

тельницы. Боже мой! сколько униженія, оскорбленія, сколько нравственной пытки достается на долю этимъ несчастнымъ труженицамъ! сколько грубостей приходится выносить отъ самихъ воспитанницъ... Нужно имѣть замороженную, ледяную кровь или совершенно ангельскую, неземную кротость, чтобы снести, смолчать, не вспыхнуть, не сказать неосторожнаго, рѣзкаго слова въ то время, когда вы внутренно сознаете себя совершенно правой. Какъ не забыться, какъ не выйти изъ себя, особенно при живомъ, пылкомъ характерѣ?.. А забудешься—приходится платиться за минуту увлеченія—собственнымъ раскаяніемъ!

23 апрѣля, 5 часовъ пополудни. Благослови же, душа моя, Господа, подкрѣплявшаго слабѣвшія мои силы, утѣшавшаго въ скорбяхъ, облегчавшаго бремя жизни, освѣщавшаго мрачный мой путь свѣтомъ благодати Своея!

Господи, и до конца дней моихъ помоги мнѣ потрудиться родному краю дѣломъ, словомъ и мыслію; благослови дѣла наши, благій Господи, и настави насъ на исполненіе заповѣдей Твоихъ!

Стихотвореніе „Труженикъ“ (1858 г.).

1 мая. Пріѣзжалъ къ намъ преосвященный Пареній и провелъ у насъ вечеръ. Непріятности тѣснили его со всѣхъ сторонъ,—онъ желалъ умереть или уйти на покой. Нута уговаривала владыку еще служить, но когда зашла рѣчь объ Хомяковѣ, то Анна Петровна, сама имѣвшая много непріятностей по службѣ, съ воодушевленіемъ прочла преосвященному стихотвореніе Алексѣя Степановича ¹⁾ «Труженикъ»:

¹⁾ Т. е. Хомякова (см. 1869 г. 16 іюня).

«По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
 Съ утра до истощенья силъ,
 Довольно, пахарь терпѣливый,
 Я плугъ тяжелый свой водилъ.
 Довольно, дикою враждою
 И злымъ безумьемъ окружень,
 Боролся крѣпкою борьбою...
 Я утомленъ, я утомленъ.
 Пора на отдыхъ. О, дубравы!
 О, тишина полей и водъ
 И надъ оврагами кудрявый
 Вѣтвей сплетающихся сводъ!
 Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
 Склонившись къ звонкому ручью,
 Хочу всей грудью, грудью жадной
 Вдохнуть вечернюю струю.
 Стереть бы потъ дневного зноя,
 Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!..

«Безумецъ! нѣтъ тебѣ покоя,
 Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!
 Взгляни на ниву: пашни много,
 А дня немного впереди.
 Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
 Господь велить: иди, иди!
 Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты:
 Сгибайся-жъ, пахарь, надъ браздою,
 Борись, борецъ, до поздней тьмы!»

Предъ словомъ грознаго призванья
 Склоняюсь трепетнымъ челомъ;
 А, Ты, безумнаго роптанья
 Не помяни въ судѣ Твоемъ!
 Иду свершать въ трудѣ и потѣ
 Удѣлъ, назначенный Тобой,

И не сомкну очей въ дремотѣ
 И не ослабну предъ борьбой.
 Не брошу плуга рабъ лѣнивый,
 Не отойду я отъ него,
 Покуда не прорѣжу нивы,
 Господь, для сѣва Твоего!»

Преосвященный старецъ прослезился, слушая эти чудные стихи ²⁾).

Выпускъ.—Наташа Петровичъ и Душа Хромова.—Прощаніе съ выпускными.—Желаніе Нуты оставить институтъ.

19 іюня. Еще новый рой молоденькихъ пчелокъ вылетѣлъ изъ временнаго улья.—17-го числа былъ выпускъ, и пролито много искреннихъ слезъ воспитывавшимися въ стѣнахъ института и ихъ воспитательницами.

Прощанія начались еще наканунѣ. Наташа Петровичъ ¹⁾ и Душа Хромова ²⁾ брали послѣдній урокъ музыки; Наташа была взволнована и плакала, а милая Дуня даже играть не могла отъ слезъ. Я должна была прекратить урокъ. Дуня бросилась ко мнѣ и такъ заплакала, положивъ свою головку ко мнѣ на плечо, что я сама разрыдалась, благословляя ее на новую жизнь.

Душа Хромова шла постоянно во главѣ своего класса по наукамъ; даровитая и добрая дѣвочка, радовавшая насъ

²⁾ См. портр. 1868 г. 21 апр.

¹⁾ Наталія Григ. Петр., вып. 1871 г. (по мужу Лебедева), родн. сестра Вѣры Петровичъ.

²⁾ Евдокія Хромова,—съ шифромъ въ вып. 1871 г.; вскорѣ по выходѣ изъ института, по дошедшимъ извѣстіямъ,—умерла.

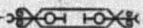
всѣхъ своими успѣхами, она, должно быть, и сама привязалась къ институту, съ которымъ ей такъ тяжело было разставаться, несмотря на то, что она сильно любитъ мать и брата.

Да, привязанность къ воспитавшему насъ учебному заведенію служить только проявленіемъ добраго, признательнаго сердца, а потому нисколько не мѣшаетъ привязанности къ родной семьѣ, о которой такъ часто и съ уваженіемъ говорится въ стѣнахъ института! Не знаю, какъ къ этому относятся въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я только говорю о нашемъ институтѣ, находящемся подъ управленіемъ сестры, которая старается поддерживать *святой союзъ* дѣтей съ родителями.

Вечеромъ, наканунѣ выпуска, была отслужена всенощная и благодарственный молебенъ. Въ самый день выпуска воспитанницы поднялись съ 3-хъ часовъ утра. Къ обѣднѣ съѣхались ихъ родственники; за молебномъ законоучитель раздавалъ Евангеліа, какъ прощальное напутствіе; а Анна Петровна, собравъ въ приѣмномъ залѣ въ послѣдній разъ вокругъ себя своихъ юныхъ питомицъ, сказала имъ нѣсколько душевныхъ словъ, прерывавшихся отъ волненія душившими ее слезами. Дѣти всѣ плакали, или, по крайней мѣрѣ, бѣольшая часть, обнимая свою мать, а не начальницу. Потомъ начались общія прощанія другъ съ другомъ и со всѣми, живущими въ институтѣ; многія приходили и ко мнѣ. — Надо ли говорить, сколь всѣ мы были разстроены, какъ утомлены за это послѣднее время?..

Господь да благословитъ молодую жизнь на добро, на миръ и согласіе! Трудъ придетъ самъ собою.

Думаю, этотъ выпускъ послѣдній: едва-ли Нута останется до слѣдующаго; думаемъ зимою ѣхать въ Петербургъ: Нутѣ становится не подъ силу борьба и непріятности съ разнородною дѣятельностью... Впрочемъ, какъ Господу будетъ угодно...

Прощальная игра Вѣры для Анны Петровны. — Что станетъ съ Вѣрою и ея сестрою.

26 июня, 11 часовъ вечера. Сейчасъ только разошлись собравшіяся у насъ дѣвочки отъѣзжающія: Вѣра и Наташа ¹⁾ и ихъ подруги — Маша Подгорбунская и Саша Волгерть ²⁾.

Вѣра, по желанію Анны Петровны, въ послѣдній разъ играла въ институтской залѣ. Прекрасные звуки рояля Штюрцваге стройно раздавались и разливались въ поэтической и всѣмъ извѣстной ноктюрнѣ Дрейтона (Шульгофа?), въ любимой Анной Петровной «*Schijft am Meere*» Вильмерса и въ тоскующей прощальной пѣснѣ Шуберта, переложенной Лигтомъ. Вѣра, подъ впечатлѣніемъ торжественныхъ минутъ разставанья, всю душу переливала въ тѣ звуки; подруги плакали, а мы тяжело призадумались надъ будущею судьбою обѣихъ этихъ молоденькихъ сестеръ. Что-то ждетъ ихъ въ новой, открывающейся предъ ними, жизни? Что станетъ съ талантомъ Вѣры? Что сдѣлаетъ Наташа? она, вѣдь, тоже довольно сильна въ музыкѣ... Разработаютъ-ли онѣ тѣ зачатки всего добраго и хорошаго, что такъ старательно прививали имъ въ институтѣ? Что сдѣлаетъ изъ нихъ новая среда, въ которую онѣ вступятъ? — И многое, многое приходило на умъ, и становилось такъ тяжело, тяжело слушать скорбныя пѣсни, выливавшіяся изъ-подъ нѣжныхъ пальчиковъ талантливой Вѣры...

Я ушла въ другую комнату и плакала потихоньку.

Вѣдная Вѣра! Что предвѣщаютъ тебѣ мои слезы? Дай Господи, чтобъ онѣ были хорошимъ предзнаменованіемъ и

¹⁾ В. Петровичъ, см. 1867 г. 17 мая пр. 4, 1871 г. 19 июня — сестра Наташи.

²⁾ Подгорбунская, М. В., 1862 г. 25 окт. и 1870 г. 5 мар. пр. 2. Волгерть, Алекс. Степ., вып. 1871 г. (по мужу Степанова) см. 1871 г. 26 июня и 1873 г. 17 июня.

послужили росой благодатной, оживляющей дальніе цвѣты и доброе начало твоего жизненнаго пути.

Бѣдныя дѣти! любите крѣпко другъ друга и, по слову евангельскому, «другъ друга тяготы носите»³⁾. — Господь сиротъ не покинетъ!

Завтра въ 6 часовъ утра сама Анна Петровна хочетъ везти ихъ въ домъ купца Родіонова, съ которымъ онѣ ѣдутъ домой; три дочери Родіонова воспитывались въ институтѣ въ одно время съ Вѣрой и Наташей. Надо встать рано и напоить ихъ чаемъ, — а я заснуть не могу...

Уѣзжайте съ миромъ, милыя дѣти! Благодать Божія да сохранитъ васъ, — и да встрѣтятъ въ васъ сестры и братья ваши — добрыхъ и истинныхъ сестеръ христіанокъ!

Отказъ Анны Петровны отъ званія предсѣдательницы дамскаго комитета. — Нечаевское дѣло. — Революціонеры, цѣль ихъ и средства. — Кто истинныя дѣти отечества?

11 августа. Вчера Анна Петровна сложила съ себя званіе предсѣдательницы дамскаго комитета¹⁾ и осталась только членомъ общества, вносящимъ ежегодно 10 рублей.

Слишкомъ много непріятностей пришлось вынести отъ одного изъ вліятельныхъ лицъ, постоянно враждебно относившихся ко всей дѣятельности сестры въ продолженіе 10 лѣтъ. Въ Иркутскѣ онъ пользуется большимъ вліяніемъ, вслѣдствіе близкаго родства съ однимъ изъ Петербургскихъ «тузовъ-чиновниковъ», и потому нѣтъ училища, нѣтъ комитета, гдѣ бы онъ не имѣлъ самаго сильнаго голоса. Дамскому комитету онъ дѣлалъ много вреда, стѣсняя его, отбирая собранныя деньги, которыми распоряжался по своему усмо-

³⁾ Изъ посл. св. ап. Павла къ Галатамъ 6 гл. 2-й стихъ.

¹⁾ См. 1870 г. 7 февраля.

трѣнію, и обращался съ комитетомъ, какъ со своими безпрекословными подчиненными.

Любимой мечтой сестры было основаніе общины сестеръ милосердія собственно для города. Денегъ собрано довольно; инженеръ, взявшійся строить домъ, обѣщалъ скоро приготовить помѣщеніе для будущихъ сестеръ, которыхъ уже набралось шесть. Мебель, кровати готовы, равно какъ и деньги на покупку бѣлья, обуви, платья, пальто, шалей и всего необходимаго для хозяйства;—а домъ все не готовъ, хотя закладка происходила уже давно ²⁾.—Въ началѣ нынѣшняго года Анна Петровна вторично хотѣла сложить съ себя званіе предсѣдательницы, и опять дамы-учредительницы упростили ее взять назадъ свой отказъ, говоря, что онѣ останутся, какъ овцы безъ пастыря. Между тѣмъ, помимо дамскаго комитета и даже противъ желанія его, г. М. назначилъ двухъ женщинъ въ мужскую больницу, возставая противъ постройки дома для общины. Все это, какъ и многое другое, побудило сестру принять твердое рѣшеніе навсегда оставить службу въ комитетѣ. Теперь можно замѣнить Анну Петровну женой генералъ-губернатора, которая, вѣроятно, ничего противъ этого имѣть не будетъ. Авось, имѣя дѣло съ вліятельной особой, будутъ нѣсколько сдержаннѣе...

— Сегодня я не спала до 3 часовъ утра по милости Нечаевского дѣла ³⁾. Газеты наполнены прокламаціями Бакунина, его агента Нечаева, цѣлымъ катехизисомъ революціонеровъ и изложеніемъ суда надъ виновными. Холодъ ужаса охватываетъ при чтеніи ихъ адской программы. Для того, чтобы свободнѣе дѣйствовать, они отрекаются отъ всякихъ святыхъ чувствъ, отъ благороднаго образа мыслей, отъ всего, поднимающаго человѣка на извѣстный нравственный уровень. Все знаніе естественныхъ наукъ они сводятъ

²⁾ См. 1 іюля и 18 сент. 1870 г.

³⁾ См. 1870 г. 21 февр.

къ единственной цѣли разрушенія. Последнее слово, послѣдній выводъ теоріи этихъ «безумцевъ»: «*да здравствуетъ разбойничій міръ!*» Наконецъ-то договорились, чего добиваются подъ предлогомъ *любви* къ народу! Понятно теперь, отчего петербургскіе журналы и нѣкоторыя провинціальныя газеты осыпаютъ бранью Каткова. Вотъ для чего имъ нужны «такъ называемыя» реальныя гимназіи. Хорошо еще, что парижская коммуна, одна изъ международныхъ вѣтвей, показала себя во всей прелести; — по крайней мѣрѣ теперь наглядно выяснилось ихъ ученіе, этихъ ложныхъ народолобцевъ, грабежныхъ и кровавыхъ правителей...

Страшно становится за человѣчество!..

Нѣтъ, не такъ поступаютъ истинные сыны отечества. Они не жаждутъ ни чьей крови, не питаютъ въ душѣ своей ни злобы, ни мести, не домогаются ни власти, ни денегъ, а идутъ смиренно съ молитвою и любовью тяжелымъ путемъ, проповѣдуя словомъ и дѣломъ любовь къ ближнему, къ честному труду; они съ благословеніемъ Божиимъ расчищаютъ дорогу для лучшей жизни грядущихъ поколѣній. Люди такого направленія большею частью проходятъ незамѣченными; — это *скромные труженики, спятели добрыхъ снѣжанъ*. Господь видитъ ихъ, и зерно, брошенное ими, даромъ не пропадетъ ⁴⁾.

Сходство нашихъ революціонеровъ съ французами.—Мысли Вилата.

23 октября. Въ параллель съ нашими нечаевцами, я хотѣла выписать нѣсколько отрывковъ изъ повѣствованій са-

⁴⁾ Въ Еванг. Маттея читаемъ: „Отецъ Твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно“ (6-я глава 4 ст.).

михъ дѣятелей первой французской республики, чтобы указать, насколько отстали наши вожаки, черпая до сихъ поръ цѣликомъ революціонныя начала изъ ученія и примѣра людей, опозорившихъ человѣчество своимъ звѣрствомъ еще 80 лѣтъ тому назадъ. Нужно было бы переписать все, или, по крайней мѣрѣ, половину разсказа бывшаго присяжнаго Вилата. Теперь нигдѣ не найдешь этой замѣчательной статьи, между тѣмъ для потомства она драгоцѣнна.

«Comme ils abusaient des choses les plus sacrées ces usurpateurs de l'opinion publique, qui par leurs artifices, avaient accumulé sur la France tous les genres de calamités! Ils avaient sans cesse à la bouche les mots séduisants de liberté, d'égalité, de fraternité, ils couvraient le sol français d'une multitude d'inquisiteurs, de bastilles, d'échafauds; ils établissaient par tous les moyens imaginables la plus affreuse tyrannie; ils semaient les haines, les querelles, les vengeances, les guerres civiles; ils mettaient à l'ordre du jour la probité, la justice, les vertus, et partout ce n'était que vols publics, vexations inouïes, cruautés barbares, enfin tous les crimes déchaînés à la fois!

De quoi doit-on être le plus étonné ou des sophismes qu'ils employaient pour commettre leurs ravages, ou de l'aveugle docilité du plus éclairé des peuples à se laisser prendre en détail, égorger en masse comme un stupide troupeau destiné à la boucherie».

«Vilate, exjuré au tribunal révolutionnaire de Paris, détenu à la Force, ce 15 vendémiaire, an III de la république».

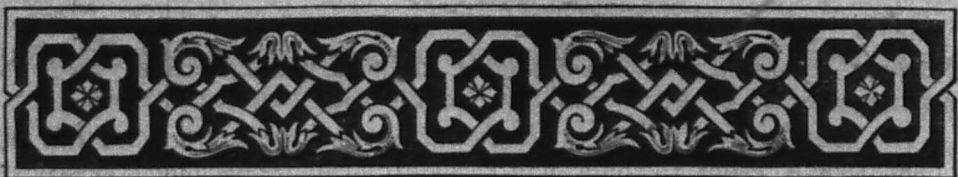
[Переводъ]. „Какъ они злоупотребляли самыми священными вещами, эти самозванцы народнаго мнѣнія, которые своимъ искусствомъ, хитростью собрали на Францію ужасы всякаго рода! На ихъ устахъ были постоянно соблазнительныя слова свободы, равенства, братства, а они покрыли французскую землю множествомъ инквизицій, крѣпостей, эшафотовъ, они всевозможными средствами учреждали тиранию, они сѣяли ненависть, ссоры, междоусобицы войны. Они думали проповѣдывать честность, правосудіе, добродѣтели, а на самомъ дѣлѣ царили расхищеніе общественнаго достоянія, неслыханныя притѣсненія, варварская же-

стокость,—словомъ, всѣ преступленія, которыя никакая сила уже болѣе не сдерживала.

Не знаешь, чему болѣе удивляться: тѣмъ-ли софизмамъ, которыми они оправдывали свои хищенія, или слѣпому повиновенію наиболѣе просвѣщеннаго изъ народовъ, позволявшаго обманывать себя въ частности и душить себя въ массѣ, подобно глупому стаду, предназначенному на убой“.

„Вилать, бывшій присяжный въ революціонерномъ судѣ Парижа, заключенный въ крѣпость 15-го вандеміера, III-го года республики“.

1872 г.

Труды и стремленія Нуты. — Объ институтскомъ преподаваніи и развитіи дѣтей.

19 мая. Мы все еще въ Иркутскѣ, и не знаю, выѣдемъ ли этой зимою. Между тѣмъ, пора, пора! Нута слабѣетъ и очень утомляется. Трудно вынести еще годъ, пора отдохнуть! Она, голубушка моя, всю душу свою кладетъ въ трудъ свой и все стремится довести до совершенства; но все недовольна своими успѣхами. Но развѣ можно добиться совершенства въ дѣлѣ воспитанія? Дѣти, какъ бы умны они не были, — все-жъ дѣти. Они должны поиграть, порѣзвиться и даже шалить, а отъ нихъ начинаютъ требовать столь многого, — что прохожденіе всего убиваетъ ихъ физическій ростъ. Составители программъ, кажется, забываютъ, что *здоровье есть основа* для естественнаго развитія душевныхъ способностей; теперь чаще и чаще болѣзни мѣшаетъ дѣтямъ учиться, — но у нихъ очень много серьезныхъ занятій; не считая рукодѣлія, танцевъ, пѣнія, музыки, а вѣдь и на все это идетъ время. Да и какъ же можно желать, чтобы всѣ воспитанницы сосредоточивали все свое вниманіе на наукахъ? Лѣнныя и бездарныя вездѣ есть, и ихъ большинство. Есть и выдающіяся свѣтленькія головки, въ которыхъ знанія укладываются ясно и стройно, безъ усилій и, вѣроятно, въ будущемъ эти знанія принесутъ имъ «большую» пользу...

Только, когда человѣкъ вступитъ на арену жизни, когда онъ столкнется съ ея явленіями, — можно судить о сте-

пени его образованія. Какая же польза въ накопленіи разнородныхъ свѣдѣній, если человѣкъ не становится отъ нихъ лучше, добрѣе, полезнѣе въ жизни? А отъ многихъ трудныхъ предметовъ въ нашемъ преподаваніи для жизни не останется ничего...

Да, вообще, мало цѣнится въ людяхъ развитіе душевныхъ, сердечныхъ силъ...

Вѣсть о болѣзни Его И. В. Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича.

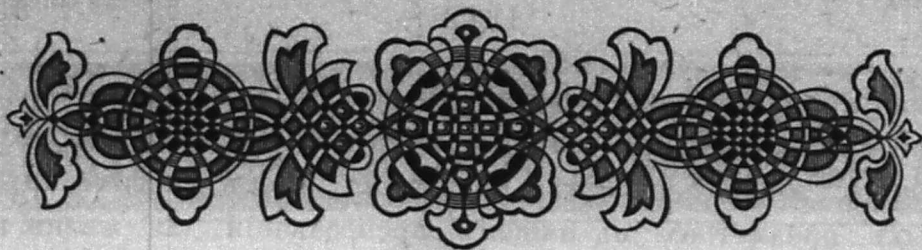
15 декабря. Вчера телеграмма принесла страшную вѣсть: Наслѣдникъ опасно боленъ!

Второй Наслѣдникъ русскаго престола опасно боленъ. — Какое несчастіе для Россіи!..

Великій Князь Александръ Александровичъ — чудный, русскій человѣкъ, Онъ заявилъ себя горячею любовью къ своему народу.

Господи, сохрани дни его! Исцѣли его, Боже Милосердый!

1873 г.

О ходѣ болѣзни Е. И. Высочества.

3 января. Благодаря Н. П. Синельникову ¹⁾, мы черезъ день получаемъ извѣстія о ходѣ болѣзни милаго Наслѣдника. До сихъ поръ все идетъ къ лучшему. «Въ воскресенье, 31 декабря, онъ кушалъ и два часа просидѣлъ въ креслахъ».

— Слава Господу! можетъ быть и встанетъ: крѣпокъ и здоровъ нашъ царственный больной. Благослови его, Отче небесный!..

Выздоровленіе Его И. В. Наслѣдника Цесаревича.

25 января. Слава Господу! выздоровѣлъ нашъ Князь желанный! Пусть живетъ долгія лѣта на счастье моей Руси возлюбленной. Отъ его чудной, доброй души многого ждетъ царство русскихъ.

¹⁾ См. 1871 г. 8 янв. пр. 3. Генераль-губернаторъ Восточной Сибири.

Еще новое занятіе у Анны Петровны—Взглядъ ея на исполненіе долга начальницы института.

6 февраля. Моя Анна Петровна сегодня съ утра замѣняетъ больную даму: поднялась наверхъ въ 9 часовъ и приходила только позавтракать, пообѣдать и выпить двѣ чашки чаю. Сама подготовляетъ воспитанницъ старшаго класса и очень весела; дѣти держатъ себя хорошо; она, голубушка, не чувствуетъ усталости. Пришла съ блестящими глазами, разрумяненная и весело улыбающаяся. — А тутъ и еще добавленіе къ ея занятіямъ. Бывшій учитель педагогики — Я. И. Стуковъ ¹⁾ назначенъ инспекторомъ семинаріи. Институтъ остался безъ преподавателя по такому важному предмету. Сестра начала искать подходящаго преподавателя, но, за неимѣніемъ подходящихъ въ Иркутскѣ, благословясь сама принялась за это дѣло. Педагогика близка ей: всю жизнь посвятила она воспитанію юношества, и потому понятно, что лучше моей чудной сестры трудно приискать преподавателя по этому предмету. Есть способные, но неблагонадежные... Съ августа 1871 года она сама читаетъ педагогику въ старшемъ классѣ.

Въ прошедшемъ 1872 году захворалъ учитель исторіи и русской словесности, человѣкъ съ небольшими средствами и съ многочисленной семьей ²⁾. Жаль стало ей лишать его жалованья, но жаль и дѣтей оставлять безъ необходимыхъ познаній; вотъ Анна Петровна принялась сама замѣнять его въ старшемъ классѣ по русской словесности. Черезъ три мѣсяца больной учитель самъ отказался отъ уроковъ. На исторію едва могли подыскать преподавателя, а словесность такъ и осталась на рукахъ Анны Петровны. Она даетъ два урока въ недѣлю по этому предмету и нисколько не тяготеетъ, какъ будто такъ и должно быть. Правда, дѣтямъ отъ

¹⁾ Яковъ Ивановичъ, прослужившій въ Иркутскомъ институтѣ съ 1868—1871 г. Прекрасно знавшій свой предметъ.

²⁾ Иванъ Онисифоровичъ Катаевъ (служ. въ Иркутск инстит. 1850—1861 гг. и съ 1868—1872 г.).

того большая польза; но ей-то каково? Нужно самой было пройти весь курсъ; нужно было прочесть многое, относящееся къ словесности; нужно выдерживать характеръ учительницы, а не начальницы, когда дѣются дѣти. Рѣдкая начальница во всей Россіи работаетъ столько, сколько сестра. Правда, живущимъ въ столицахъ и большихъ городахъ, гдѣ много учителей, не представляется надобности замѣнять ихъ; но и въ провинціи ни одна начальница не станетъ брать на себя такихъ обязательствъ. Я бранюсь съ нею и отговариваю ее всячески, а моя милочка говоритъ: «затѣмъ я стою во главѣ заведенія, чтобы слѣдить за всѣмъ и помогать вездѣ, гдѣ требуется помощь. Если учителя, классныя дамы и дѣти здоровы, — слава Богу, — мнѣ легче; заболѣютъ — мой прямой долгъ замѣнять первыхъ и употребить всѣ усилія поправить больных».

Господь да благословить ея христіанское отношеніе къ людямъ, но мнѣ больно смотрѣть на нее, — она измучивается.

Дѣятельность Нуты и Ёомы Арнольдъ. — Недостатокъ въ характерѣ Нуты.

22 февраля. Съ наслажденіемъ читаю я въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статьи о дѣятельности Ёомы Арнольдъ ¹⁾, — знаменитаго воспитателя въ Англіи и бывшаго директора училища Рогби.

Сколько общаго у нихъ съ моею сестрой въ направленіи, въ пониманіи, въ педагогическихъ приемахъ и даже въ самыхъ словахъ! Будто я читаю повѣствованіе о ея дѣятельности въ средѣ юношества, воспитанію котораго она отдала всю свою жизнь, по собственному призванію, съ самой ран-

¹⁾ Арнольдъ-Ёома-Томасъ, — англійскій педагогъ (р. 1795 г. † 1842 г.) Началь свою педагогич. дѣятельность съ учителя школы, потомъ былъ ея директоромъ, а 1827 г. профес. Оксфордскаго унив. и докторъ богословія.

ней молодости. Вся ея внутренняя работа сводится къ одному: всѣ мысли, занятія устремлены на усовершенствованіе метода воспитанія. Нѣтъ,—она просто слѣпокъ съ Омы Арнольдъ: такая же равнодушная къ выгодамъ житейскимъ, преданная дѣлу, она, какъ и онъ, становится непреклонною, когда отъ нея требуютъ чего-нибудь, не соотвѣтствующаго ея взглядамъ на воспитаніе. Она тоже оберегаетъ свой институтъ отъ вторженія въ него лицъ, могущихъ занести въ него разлагающія начала безвѣрія, такъ сильно распространившіяся въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Она тоже въ наставницахъ и наставникахъ желаетъ увидѣть *истинныхъ христіанъ*, людей дѣятельныхъ, преданныхъ своимъ обязанностямъ до самоотверженія. Она тоже старается передать учащимся, а въ особенности своимъ бывшимъ воспитанницамъ свои взгляды на жизнь и воспитаніе. Въ бесѣдахъ Арнольда съ учениками старшаго класса слышатся рѣчи Анны Петровны, обращенныя къ ея питомцамъ. Поразительное сходство!

Какъ я счастлива, что сестра моя даетъ мнѣ право, по совѣсти, безъ всякаго преувеличенія, обрисовывать ее въ такихъ краскахъ и провести сравненіе съ Арнольдъ и говорить это предъ все Вѣдающимъ Богомъ. Одного недостаетъ ей—это кротости. Она очень сдержанна и только въ рѣдкихъ случаяхъ возвышаетъ голосъ. Съ дамами и преподавателями даже утонченно вѣжлива, а во избѣжаніе всякихъ непріятностей, она сама примѣрно взялась тащить тяжелый плугъ и проводить глубокія борозды по обрабатываемой нивѣ. Если бы ко всѣмъ христіанскимъ достоинствамъ сестры присоединить еще и кротость,—она была бы совершенствомъ въ нравственномъ отношеніи. Но совершенства нѣтъ между людьми, на землѣ, притомъ же всю свою пылкость характера она переноситъ исключительно на меня, которую любить выше всего на свѣтѣ: вспылить—и вспышка тотчасъ проходить, а затѣмъ становится еще нѣжнѣе.

Господи, дай мнѣ ранѣе ея умереть, а ее благослови къ продолженію начатаго труда на пользу человѣчества!

Концертъ Души Останиной и Мани Подгорбунской.—Желаніе слышать отзвѣвы талантливыхъ музыкантовъ.—Отношеніе къ музыкѣ иркутскаго общества.

27 марта, 7 часовъ вечера. Теперь въ собраніи идетъ концертъ, въ которомъ принимаютъ участіе: Душа Останина, бывшая Киселева ¹⁾, и Маня Подгорбунская ²⁾. Душа вѣроятно въ эти минуты исполняетъ извѣстный концертъ Мендельсона *sol m.* Страхъ беретъ за нее: чтобы не испугалась, явившись въ первый разъ предъ многочисленнымъ обществомъ! Со мною она превосходно проиграла весь концертъ, равно какъ и «Лѣснаго царя» и «Соловья», переложенныхъ Листомъ. Въ «Соловѣ» такъ и льются волшебныя трели. Исполненіе же «Лѣснаго царя» разнообразно до крайности; мы изучили до мельчайшихъ подробностей партіи трехъ дѣйствующихъ лицъ этой пьесы и каждой изъ нихъ придали надлежащее своеобразное выраженіе. Сначала испуганный шопотъ ребенка, успокаивающій голосъ отца и вкрадчивый, чарующій призывъ лѣснаго царя; потомъ смятеніе, крикъ дитяти, снова утѣшительная рѣчь отца и затѣмъ снова волшебные звуки царя воздушныхъ пространствъ и т. д. до самой смерти дитяти.

Душа все передаетъ очень вѣрно; какъ-то она, бѣдная, сыграетъ тамъ, и пойметъ-ли такую игру иркутское общество, состоящее большею частью изъ поляковъ, евреевъ и нѣмцевъ?..

Маня Подгорбунская должна исполнять «пѣснь Дездемоны» — переложеніе Гораіа. Ея артистическую игру въ состоя-

¹⁾ Евдок. Гавриловъ, вып. 1865 г. См. 1870 г. 30 іюня.

²⁾ М. Васильевъ. Подгорбунская, см. 1862 г. 25 окт., 1869 г. 5 нояб. пр. 8.

ни оцѣнить только артисты. или тѣ, у которыхъ развито чувство изящнаго.

Много разъ, слушая своихъ ученицъ, думала я, какъ бы хорошо было, если бы геніальный Листъ или Рубинштейнъ, стоящіе на такой высотѣ, могли прослушать нашихъ молодыхъ артистокъ, — интересно, если бы они могли высказать свое одобреніе и тѣмъ укрѣпить въ нихъ вѣру въ ихъ дарованіе! Но это желаніе, увы, тщетно! Здѣсь же, когда я покину Иркутскъ, ихъ никто не поддержитъ, и, по всей вѣроятности, ихъ развивающіеся музыкальные таланты совершенно заглохнутъ.

Въ Иркутскѣ положительно не понимаютъ музыки: лишь бы стучали покрѣпче, да пальцы бѣгали попроворнѣй, — вотъ и всѣ требованія; о смыслѣ, чувствѣ, выраженіи — и помину нѣтъ. Стало быть, какъ не заглохнуть молодому дарованію въ такой средѣ — безъ поддержки?..

Онѣ приготовили еще увертюру къ оперѣ «Эгмонтъ» — Бетховена, въ четыре руки, и увертюру къ одной изъ оперъ Вебера на 2-хъ рояляхъ, — вещи слишкомъ извѣстныя, чтобы о нихъ говорить.

Послѣдній мой урокъ французскаго языка и словесности въ выпускномъ классѣ. — Послѣднее наставленіе воспитанницамъ. — Двадцать семь лѣтъ педагогической дѣятельности. — Нута — моя помощница.

12 мая. Благодарю Господа моего, даваго мнѣ силы для перенесенія 27-лѣтняго тяжелаго труда!

Сегодня дала я послѣдній урокъ французскаго языка и словесности въ старшемъ, выпускномъ классѣ. Особенно никого не спрашивала, но обращаясь ко всѣмъ воспитанницамъ, кратко прошла обзоръ всѣхъ замѣчательныхъ писателей по столѣтіямъ, начиная со второго вѣка. Отвѣты были очень и очень удовлетворительны; по нимъ я убѣдилась, что познанія усвоены сознательно, по крайней мѣрѣ, боль-

шинствомъ изъ класса: отвѣчали на всѣ мои вопросы почти безъ запинки, стоило лишь слегка сосредоточиться. Лучшія изъ воспитанницъ оказались бы пригодными во всѣ Петербургскіе институты,—умненькія головки! Между ними особенно выдаются Варя Софѣина ¹⁾, Поля Бялковская, Лидія Максимова ²⁾, Агнія Александрова ³⁾ и Вѣра Липай ⁴⁾. Есть и другія очень сообразительныя и развитыя, но... во не дѣлаютъ того, что сдѣлать могутъ; впрочемъ, жизнь поможетъ имъ окончить образованіе; здѣсь въ институтѣ даются только основы,—ну и молоды еще онѣ,—старшей, напр., семнадцать лѣтъ; стало быть, сколько еще предстоитъ времени для усовершенствованія и для совмѣстнаго умственнаго и нравственнаго развитія. Я говорила объ этомъ дѣтямъ, прося ихъ не пренебрегать образованіемъ, но стремиться все впередъ и впередъ, всю жизнь, до самой смерти. Такое стремленіе къ совершенству есть *цѣль нашего существованія*.

Подъ конецъ урока я очень устала; голосъ задрожалъ на послѣднихъ словахъ отъ волненія; и, когда дѣти выбѣжали въ корридоръ еще разъ проститься со мною и поблагодарить, слезы выступили на моихъ глазахъ. Я поторопилась уйти...

— Боже мой! — думала-ли я, вступая въ 1846 году на службу, что протяну такъ долго? И вотъ 27 лѣтъ уже прошли, и я много, но не всѣ еще утратила силы, сравнительно съ тѣмъ временемъ, какъ поступила въ Смольный. Между тѣмъ, приходилось иногда по 8 часовъ въ день заниматься уроками. Да и какія попадались бездарныя ученицы, какъ онѣ терзали мои нервы и слухъ!.. Послѣ нѣкоторыхъ уроковъ

¹⁾ Варвара Павлиновна Софѣина, первая въ вып. 1873 г. съ шифромъ, (по мужу Армфельдтъ).

²⁾ Лидія Иван., служила въ Читинск. гимн. (теперь въ Петерб. клиникѣ душевно-больныхъ).

³⁾ Учителы. въ Кяхтинской гимназій.

⁴⁾ Вѣра Липай умерла въ Красноярскѣ, скоро по выпускѣ.

иногда хоть въ постель ложись: до того, бывало, измучать... И все прошло! все вынесла!

Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ благодѣяній Его!

Въ продолженіе всѣхъ двѣнадцати лѣтъ моя Нута, или Анна Петровна, отбирала человѣкъ двѣнадцать самыхъ слабыхъ и занималась ими въ то время, какъ на мою долю доставались самыя сильныя; этимъ она спасала слабыхъ, а мнѣ, — мнѣ помогала, какъ всегда, вездѣ и во всемъ.

Мой ангелъ хранитель земной! Моя чудная сестра! Да утѣшить и благословить тебя Господь!

Послѣдній концертъ при насъ въ институтскомъ залѣ. — Обстановка и музыкальная часть концерта. — Воспитанницы, участвовавшія въ концертѣ. — Мой восторгъ.

18 мая. До сихъ поръ не могла я поговорить о нашемъ послѣднемъ концертѣ, данномъ въ залѣ института 23-го апрѣля — въ день поступленія моего на службу и въ послѣднюю годовщину моей педагогической дѣятельности.

Въ августѣ мы намѣрены совсѣмъ покинуть Иркутскъ. Сестра ужъ отправила прошеніе объ отставкѣ къ Его Высочеству принцу П. Г. Ольденбургскому.

23 апрѣля мы устроили музыкальный вечеръ съ благотворительной цѣлью.

Зала, какъ и въ прежніе два вечера ¹⁾, была ярко освѣщена; портретъ Августѣйшей Основательницы института покойной Государыни Александры Теодоровны красовался среди цвѣтовъ и зелени. Отъ портрета до эстрады и кругомъ эстрады высились тропическія растенія. Съ противоположнаго конца залы видъ былъ рос-

¹⁾ Въ ноябрѣ 1868 г. и 27 августа 1870 г.

кошный: точно въ саду сидѣли участвовавшіе въ концертѣ. Изъ этого импровизированнаго свѣтлаго сада лились тоже свѣтлые, гармоническіе звуки Вебера, Моцарта и Россини. Оттуда же разносились эхомъ по залу родныя великорусскія и малороссійскія пѣсни, исполненныя хоромъ воспитанницъ старшаго класса; молодые, свѣжіе, стройные голоса производили особенно пріятное впечатлѣніе.

Для начала было сыграно «Allegro marsiale» — Ашера въ 8 рукъ на двухъ рояляхъ; потомъ воспитанница Харинская ²⁾ мастерски исполнила фантазію Nàke на «Цыганъ удалецъ». То была дѣйствительно разудалая, молодецкая пѣсня, понятная всѣмъ и каждому, а потому вызвавшая взрывъ рукоплесканій. Затѣмъ слѣдовали: дуэтъ изъ «Донъ-Жуана», переложенный для двухъ роялей: Подгорбунская и Останина ³⁾. Вторая часть: увертюра «Вильгельмъ Тель» на 8 рукъ для двухъ роялей; исполняли тѣ же, что и «Allegro marsiale»: Останина, Подгорбунская, Софѣина ⁴⁾ и Харинская, «Allegro» изъ сонаты Ia b. Вебера, solo — Останина. Третья часть: дуэтъ изъ Эврианты и Adagio и Rondo изъ концерта Вебера; обѣ пьесы для двухъ роялей: Останина и Подгорбунская. Между фортепіанными пьесами исполнены хоры: «Не бѣлы снѣги» и «Во лузяхъ», «Гей пидъ горою», «Ахъ, со вечера» и «Сѣни мои, сѣни», «Жито не полова», «Пловцы» и «Боже, Царя храни!» — чѣмъ и закончили нашъ вечеръ.

Желая собственнымъ опытомъ убѣдиться въ силѣ и ясности звуковъ во всѣхъ углахъ залы, сѣла я на одномъ изъ стульевъ задняго ряда, остававшагося пустымъ, и до слуха моего долетали отчетливо самыя нѣжныя музыкальныя переливы. Съ упоеніемъ вслушивалась я въ чарующіе напѣвы моего любимаго Вебера, такъ артистически передаваемаго молодыми піанистками. Съ наслажденіемъ внимала роднымъ

²⁾ Татьяна Павлов., вып. 1875 г. (по мужу Савелова).

³⁾ См. 1873 г. 27 мар. пр. 1 и 1870 г. 5 мар. пр. 2.

⁴⁾ См. 1873 г. 12 мая пр. 1.

пѣснямъ; любовалась живою картиной, которую изображали собою мои юныя милыя ученицы, окруженные зеленью и цвѣтами, и мысленно благодарила я Господа, что дивными звуками музыкальной гармоніи заключаю послѣднюю годовщину своей служебной дѣятельности.

Всѣ тѣ артистки — мои ученицы; даже хоры воспитанницъ образовались подѣ моимъ руководствомъ; такъ что вся музыкальная часть лежала на моихъ плечахъ. У меня было ясно и весело на душѣ. Я вся была зрѣніе и слухъ и не чувствовала, что на меня наводили бинокли, чтобы слѣдить изъ любопытства за впечатлѣніемъ, производимымъ на меня тѣмъ, что совершалось на эстрадѣ. Въ Иркутскѣ, вѣдь, почти всѣ знаютъ, что эти піанистки — мои ученицы.

Да, я была совершенно счастлива, несмотря на то, что четверть залы была пуста. *Сознаніе*, что я выработала нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ, что добросовѣстно исполнила долгъ свой, наполняло душу тихой радостью: я все улыбалась, и хорошо же мнѣ было...

Послѣ концерта и на слѣдующій день стоило мнѣ только вспомнить о музыкальномъ вечерѣ, какъ я уже улыбалась, сіяла, и горячая благодарственная молитва, незримая людямъ, возносилась отъ чистаго сердца Всевѣдущему Богу.

Игра Мани Подгорбунской.

6 іюня. День свѣтлый. Ангарскій противоположный берегъ красуется въ свѣжей зелени. Ангара спокойна. Изъ залы несутся знакомые любимые звуки *Andante Pastorale* Бетховена: то поетъ Маня Подгорбунская, т. е. вѣрнѣе, рояль поетъ подѣ ея нѣжными пальцами.

Какъ развилась моя Маня! Съ грустью думаю, что съ

моимъ отъѣздомъ погибнетъ и ея музыка ¹⁾). Она еще такъ молода: вѣдь ей нѣтъ еще двадцати лѣтъ, да и здоровьемъ слабенькая!

А что за звуки! Боже мой! Какіе глубокіе, какіе скорбныя звуки!..

Посвященіе Иркутскаго института Великимъ Княземъ
Алексѣемъ Александровичемъ.

13 іюня. Въ воспоминаніе счастливаго дня припила я къ своему дневнику цвѣтокъ, распустившійся сегодня въ саду сестры.

Сегодня Его Имп. Высоч. Великій Князь Алексѣй Александровичъ посѣтилъ институтъ и потомъ зашелъ въ комнаты Анны Петровны выкупать чашку кофе. Онъ былъ очень милостивъ, привѣтливъ и веселъ. Отъ его стройнаго, красиваго и величественнаго вида съ прекраснымъ настроеніемъ всѣ институтки обезумѣли...

Все то же, что бывало съ нами встарь.

Великій Князь прибылъ въ Иркутскъ вчера въ 8½ часовъ вечера и остановился въ домѣ генераль-губернатора ¹⁾), гдѣ для него было приготовлено помѣщеніе. Се-

¹⁾ М. Вас. Подгорбунская, см. 1869 г. 25 окт., 1871 г. 8 апр. и 1873 г. 27 мар. пр. 2. Когда М. Вас. держала вступительный экзаменъ въ 1882 г. въ Москов. консерваторію, то профессоръ Дебюкъ въ восторгѣ отъ ея игры воскликнулъ: «у какого чуднаго учителя вы брали уроки?»

¹⁾ Николай Петровичъ Синельниковъ, генер.-губ. Вост. Сибири съ 1871—1874 г. Есть его прекрасныя записки о Сибири („Историческ. Вѣстн.“ въ 1896—98 гг.). Чудный человекъ и начальникъ, во всякое время дня и ночи для всѣхъ доступный. Предъ нимъ благоговѣли подчиненные. Въ институтъ за доброту его называли „дѣдушка“ († въ 1892 г.). См. 1871 г. 8 января.

Генер.-Губерн. Восточной Сибири
Николай Петрович СИНЕЛЬНИКОВЪ.

годня въ 10 часовъ утра былъ общій пріемъ служащихъ по всѣмъ вѣдомствамъ. Въ 10¹/₂ часовъ уже экипажъ Его Высочества стоялъ у нашего подъѣзда. Внизу, при выходѣ изъ швейцарской, Его Высочество встрѣтила сестра.

Съ появленіемъ Его Высочества въ стѣнахъ института—по институту разлились звуки народнаго гимна: то дѣти и служащіе привѣтствовали царственнаго гостя. Онъ подавъ руку Аннѣ Петровнѣ и вмѣстѣ поднялись по лѣстницѣ, устланной коврами, въ залу, гдѣ всѣ были въ сборѣ. Великій Князь весело поздоровался съ дѣтьми, прося ихъ «не стоять во фронтъ»; вслѣдствіе такого желанія всѣ бросились провожать Великаго Князя по классамъ, въ пепиньерскую, въ столовую, словомъ—всюду.

Такъ какъ дѣтская церковь въ третьемъ этажѣ, то пѣвчія опередили Великаго Князя и стояли на клиросѣ. При входѣ въ церковь, Его Высочество былъ встрѣченъ мѣстнымъ протоіереемъ о. Александромъ Орловымъ ²⁾. Во время молебствія Великій Князь стоялъ у праваго клироса; къ концу молебна онъ подошелъ къ Аннѣ Петровнѣ. Въ церкви стоялъ съ благоговѣніемъ; крестился полнымъ крестомъ. Когда сестра объяснила ему, что у насъ, послѣ всякой службы, поется «Спаси, Господи, люди Твоя» съ 4 апрѣля 1866 года—у него показались на глазахъ слезы.

Обойдя институтъ, Великій Князь, по приглашенію сестры, зашелъ къ ней въ комнаты. Дѣти подавали кофе и шоколадъ; онъ выкупалъ чашку кофе, былъ веселъ, шутилъ и, повидимому, чувствовалъ себя хорошо; хотѣлъ еще пойти въ садъ, въ столовую во время дѣтскаго обѣда, но его торопилъ генераль-губернаторъ, напоминая, что еще многое предстоитъ осматривать.

²⁾ О. Александръ Матвѣевичъ—настоятель институтской церкви и законоучитель съ 1845—1882 и съ 1885—1889 гг. (см. 1866 г. 6 апр. пр. 3).

Къ общему горю, Великій Князь уѣхалъ въ 11^{1/2} часовъ, сопровождаемый дѣтьми до самой швейцарской. Съ Анной Петровной говорилъ много, представилъ самъ адмирала Посьета ³⁾ и всю свою свиту; благодарилъ за все, прибавляя: *«совершенно одинъ изъ институтовъ даже Россіи!»*

На это сестра почтительно возразила: «Ваше Высочество, Сибирь—тоже Россія, и мы тѣ же русскіе, что и во внутреннихъ губерніяхъ».

Онъ засмѣялся, сказавъ: «т. е. Европейской Россіи».

Вообще, Великій Князь очень простъ въ обхожденіи и живого, веселаго нрава.

Господь да благословить его обратный путь въ Петербургъ послѣ двухъ съ половиною лѣтъ странствія по чужимъ берегамъ!

Обѣдъ Его И. В. В. Князя въ кельяхъ архимандрита Веніамина. — Прѣсба институтокъ на балу 14 іюня. — Разговоръ Великаго Князя съ Нutoю, съ Н. П. Синельниковымъ и съ Сашею Воллертъ.

16 іюня. Сегодня въ 10 часовъ утра уѣхалъ нашъ милостивый, нашъ добрый Великій Князь. Иркутскъ будто разомъ опустѣлъ. Множество народа хлынуло за Ангару въ Вознесенскій монастырь, гдѣ Великій Князь будетъ слушать литургію и напутственный молебенъ и затѣмъ будетъ на завтракъ отъ городского общества въ кельяхъ архимандрита Веніамина ¹⁾, настоятеля монастыря. Сестра уѣхала туда же, въ сопровожденіи Мани Подгорбунской и Саши

³⁾ Константина Николаевича, впослѣдствіи г. мин. пут. сообщенія (съ 1874—1888 г.). Съ 1858 по 1874 г. состоялъ при В. К. Алексѣѣ Александровичѣ въ качествѣ наставника и спутника въ долгихъ и дальнихъ плаваніяхъ, а съ 1871 г. и попечителемъ Его Высочества до совершеннолѣтія (род. 1819 г. и † 1899 г.).

¹⁾ Впослѣдствіи архіеписк. Иркутскій.

Воллертъ ²⁾ (пепиньерки). У насъ тоже молились въ церкви о благополучномъ путешествіи нашего дорогого, но кратковременнаго гостя.

Впрочемъ, институтъ имѣлъ счастье и въ другой разъ принимать у себя Великаго Князя. На балу 14 іюня, данномъ городскимъ обществомъ, Маня Подгорбунская, вмѣстѣ съ Сашей Воллертъ и съ нѣкоторыми другими, какъ мы узнали послѣ, подойдя къ Николаю Петровичу Синельникову, умоляли его попросить Великаго Князя еще разъ посѣтить институтъ.

Н. П. Синельниковъ, подавъ руку Манѣ, подошелъ къ Великому Князю со словами: *«Институтки просятъ Ваше Высочество еще разъ побывать у нихъ»*. Маня сказала: «То было бы для насъ такое великое счастье, о которомъ и мечтать не смѣемъ».

«Принду съ удовольствіемъ», — отвѣтилъ Великій Князь подавъ ей руку.

На балу Его Высочество нѣсколько разъ подходилъ къ сестрѣ. *«Dansez vous, madame?»* ³⁾ — спросилъ онъ вначалѣ.

«Ai—je l'air de vouloir danser, votre Altesse?» ⁴⁾.

«Mais lui, il danse» ⁵⁾, — сказалъ Великій Князь, указывая на адмирала Посѣта.

«Nous autres femmes, en vie illissant, nous vieillissons franchement et loyalement; quant à l'autre moitié du genre humain, elle peut être jeune jusqu'à l'âge de soixante et dix ans» ⁶⁾.

²⁾ Александра Автопова, по мужу Степанова, вып. 1871 г. 26 іюня. Очень бойкая, красивая и умная барышня. До сихъ поръ не покидаетъ, какъ родная дочь, свою воспитательницу Анну Петровну.

³⁾ Танцуете вы, мадамъ?

⁴⁾ Развѣ я имѣю видъ желающей танцовать, Ваше Высочество?

⁵⁾ Но вотъ онъ танцуетъ.

⁶⁾ Мы, женщины старыя, старѣемъ откровенно и законно; что касается до другой половины рода человѣческаго, она можетъ быть молодой до шестидесяти и семидесяти лѣтъ.

В. Князь разсмѣялся: «c'est vrai; les femmes sont en général plus honnêtes» ⁷⁾).

— Немного спустя, Великій Князь подошелъ къ сестрѣ, когда она разговаривала съ Синельниковымъ.

— О чемъ вы говорите?

Сестра, смѣясь, отвѣтила:

— Николай Петровичъ наказалъ меня.

— Какъ? наказалъ?

— Да, Ваше Высочество, за то, что Вы остались въ институтѣ долѣе, нежели Николай Петровичъ того желалъ: онъ не далъ мнѣ ложи вчера въ театрѣ, когда Вы тамъ были.

Синельниковъ оправдывался и, наконецъ, взвалилъ всю вину на полицмейстера.

— Танцуя съ Сашей Воллертъ, Великій Князь сказалъ:

— Ваша мамап никакъ не хочетъ со мною танцовать.

— Мамап никогда не танцуетъ.

— Да, я теперь знаю. Она была очень хороша собою; въ свое время ваша мамап была знаменитая красавица. Я помню ее и знаю хорошо ея начальницу М. П. Леонтьеву. Мамап добра?

— Очень добра, и мы ее всею душею любимъ!

— То-то вы все вьетесь подлѣ нея! — Что же вы будете дѣлать послѣ выпуска?

— Мамап оставляетъ меня учительницей музыки; послѣ, можетъ быть, займу мѣсто классной дамы.

— Вотъ и хорошо.

— Вообще Великій Князь такъ простъ въ обхожденіи, что заставляетъ забывать свое высокое положеніе; держитъ себя обыкновеннымъ смертнымъ.

— Воспитанницы ваши просятъ меня завтра ихъ навѣстить, — сказалъ онъ Аннѣ Петровнѣ, — но завтра я цѣлый день занятъ, а въ субботу буду свободенъ и тогда заѣду.

⁷⁾ Это вѣрно; женщины вообще честнѣе.

— Ваше Высочество, простите смѣлость моихъ дѣтей; онѣ не знаютъ, что не должны просить такой милости.

Великій Князь улыбнулся и обѣщалъ быть непременно.

15 іюля, послѣ спектакля, въ городскомъ саду для Великаго Князя былъ приготовленъ чай въ вокзалѣ. Протанцовалъ онъ неохотно три кадрили послѣ многихъ просьбъ. Онъ сидѣлъ на терассѣ, куда привелъ Синельниковъ и Нуту, которая оставалась тамъ до 12 часовъ, т. е. до отъѣзда Великаго Князя.

Вторичный пріѣздъ Великаго Князя въ институтъ и отбытіе изъ института Его Высочества.

17 іюня. Въ 11½ часовъ Великій Князь снова прибылъ въ институтъ, гулялъ въ дѣтскомъ саду, обѣдалъ за дѣтскимъ столомъ, выпилъ два стакана квасу и снова кушалъ кофе въ комнатахъ Анны Петровны. Старшія пѣли хоромъ: «Пловцы», «Не бѣлы снѣги», «Жито маты» и «Сѣни»; Маня Подгорбунская сыграла: «Una furtiva lagrima» съ большимъ чувствомъ.

«Quel charmant toucher», выразился Великій Князь, когда она кончила.

Въ часъ и пять минутъ Его Высочество, въ сопровожденіи воспитанницъ, сестры и всѣхъ служащихъ, выходилъ и быть можетъ—навсегда изъ стѣнъ нашего института. По просьбѣ сестры, прошелъ пѣшкомъ весь дворъ до самыхъ воротъ, напутствуемый нашимъ общимъ благословеніемъ.

Проводивъ своего царственного гостя, старшія усѣлись

на площадкѣ лѣстницы и плакали, передавая другъ другу взаимныя впечатлѣнія ¹⁾).

Да благословить его Господь!

Предъ всею ночью въ дѣтской церкви служили напутственный молебенъ. Такъ институтъ встрѣтилъ и проводилъ молитвою сына царскаго, посѣтившаго отдаленныя страны владѣнія своего Государя и Отца.

Да почіетъ благодать Божія на немъ!

Новое вниманіе Его И. В. В. Кн. Алексѣя Александровича къ институту.—Воспоминаніе Его Высочества объ Иркутскѣ и разговоръ съ сестрою.

4 іюля. Анна Петровна получила 2 іюля изъ Tobольска телеграмму отъ 1 іюля отъ Посѣта ¹⁾), увѣдомляющую о новой милости Вел. Князя къ институту: поступаетъ вторая пансіонерка Его Высочества, первая же уже опредѣлена: сирота изъ Владивостока; а вторая—изъ Tobольска сиротка Галахова ²⁾). Анну Петровну больше всего тронуло, что Вел. Князь изъ Tobольска посылаетъ воспитанницу въ ея институтъ, тогда какъ институтъ въ Казани вдвое ближе оттуда.

Да, пребываніе Его Высочества въ Иркутскѣ оста-

¹⁾ Сибирскіе инородцы и русскіе, встрѣчаясь съ экипажемъ Его Высочества, набожно осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ. Иные цѣловали экипажъ Его Высочества, брали изъ подъ колесъ его землю и уносили съ собою, а одинъ бурятъ ухитрился достать изъ оси колесной мази, намазавъ ею усы и бороду и только по особому расположенію позволялъ себя цѣловать (изъ рассказовъ очевидцевъ).

¹⁾ Посѣтъ—см. 1873 г. 13 іюня пр. 3. († 26 апр. 1899 г.).

²⁾ Галахова не поступила въ институтъ по болѣзни.

Его Императорское Высочество Великий Князь
АЛЕКСѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

вило свѣтлое воспоминаніе: онъ вездѣ былъ милостивъ, внимателенъ, вездѣ слышалось его ласковое слово, видѣлась привѣтливая его улыбка всюду. Отъ добраго корня и отрасли добрая. У Александра Николаевича, воспитанника Жуковскаго, — всѣ дѣти добры по наслѣдству, потому что Онъ самъ добръ.

Впрочемъ, у Государя Николая Павловича было тоже золотое сердце, полное любви къ своему народу и своей семьѣ; Онъ обладалъ возвышеннымъ умомъ, просвѣтленнымъ христіанскимъ ученіемъ, былъ простъ душою и любилъ простоту во всемъ. Несмотря на все это, и его обманывали какъ обманываютъ всѣхъ, стоящихъ высоко..., старая истина...

Когда Великій Князь прощался съ институтомъ, дѣти просили его карточекъ. Его Высочество тотчасъ велѣлъ своему адъютанту записать, сколько въ институтѣ всѣхъ дамъ, пепиньерокъ и воспитаницъ; прямо изъ института Его Высочество самъ заѣхалъ къ фотографу Мальмбергу и снялся два раза: для кабинетныхъ портретовъ и для большаго, назначеннаго Аннѣ Петровнѣ.

На всѣхъ карточкахъ и портретахъ его прекрасное молодое лицо носило отпечатокъ задумчивости, между тѣмъ, сестра видѣла его постоянно веселымъ, улыбающимся юношей, какимъ онъ и есть въ дѣйствительности. Что за крѣпкая думушка залегла въ душѣ его въ ту минуту, когда солнце помогало увѣковѣчить для потомства красивыя черты лица его въ полномъ расцвѣтѣ молодости? Будто грусть какая-то отуманила его чудные голубые глаза, все время горѣвшіе яркимъ блескомъ...

Сохрани его, Господи, отъ навѣтовъ вражыхъ, отъ лести тлетворной, губящей самые лучшіе дары!

— Въ день отъѣзда Великаго Князя сестра, въ числѣ многихъ другихъ провожавшихъ, отправилась въ Вознесенскій монастырь. Туда пріѣхалъ Вел. Князь въ одиннадцатомъ часу и былъ, по обыкновенію, встрѣченъ торжественно епи-

скопомъ Мартиніаномъ и всѣмъ духовенствомъ въ праздничномъ облаченіи. Сестра вмѣстѣ съ другими дамами стояла на паперти. Увидавъ ее, Вел. Князь привѣтливо поклонился, улыбаясь своею доброю улыбкою. По окончаніи службы, въ кельяхъ настоятеля былъ приготовленъ завтракъ. Подойдя къ столу, на которомъ стояла закуска, «начните», сказалъ онъ, обратясь къ сестрѣ, предлагая вино.

«Я не пью никакого вина, Ваше Высочество!»

«Дѣти не увидятъ», — шутя говорилъ Вел. Князь.

За столомъ сестра сидѣла подлѣ него, рядомъ съ нею — жена Забайкальскаго атамана Дитмаръ, далѣе — еще одна дама, и тамъ — адмиралъ Посъеть. Послѣ тоста за здоровье Его Высочества, Посъеть сказалъ, обращаясь къ сестрѣ, съ которой онъ успѣлъ познакомиться, встрѣчаясь съ ней пять дней сряду: «Анна Петровна, за ваше здоровье! Пусть продолжаетъ процвѣтать вашъ институтъ, какъ процвѣталъ до сихъ поръ; желать больше нечего; дай Богъ, чтобы онъ остался только такимъ, какимъ есть».

«Благодарю васъ, Константинъ Николаевичъ», — отвѣтила сестра; — «но я желаю, чтобы мой институтъ шелъ впередъ и впередъ».

«Дай Богъ, чтобы онъ только сохранился такимъ, какъ теперь», — настойчиво повторилъ Посъеть, боясь, вѣроятно, чтобы, съ перемѣною начальницы, не измѣнился бы къ худшему и самъ институтъ.

Его Высочество съ своей стороны прибавилъ:

«Je n'aime pas à faire des compliments, mais il faut, que je vous dise, que tout ce qu'il y a de convenable et de plus comme il faut parmi les personnes, que j'ai rencontrées de l'Amour à Irkoutsk, — toutes sont les élèves de l'institut».

[Переводъ]. „Я не люблю говорить комплиментовъ, но долженъ вамъ сказать, что все, что встрѣтилъ прекраснаго и изящнаго между

лицами, которыхъ встрѣчалъ на Амурѣ и въ Иркутскѣ,—это были все воспитанницы института“³⁾.

Само собою, отзывы такого рода, слышанные изъ устъ Его Высочества и уважаемаго Константина Николаевича Посѣта, благотворно подѣйствовали на сестру, для которой нѣтъ выше цѣли, какъ преуспѣяніе ея института, и нѣтъ выше награды, какъ доброе слово объ ея воспитанницахъ.

За столомъ кто-то заговорилъ о музыкѣ Оффенбаха, объ его операхъ и направленіи. Сестра, нисколько не стѣсняясь только что заявленнымъ одобреніемъ Великаго Князя нѣкоторымъ произведеніямъ этого композитора, твердо высказала свое мнѣніе, идущее въ разрѣзъ со всѣмъ, выраженнымъ окружающими, стараясь доказать всю пошлость, весь вредъ этого направленія, извращающаго вкусъ общества. «Хотѣла бы я знать»,—заключила она—«прослушавшіе музыку Оффенбаха⁴⁾ цѣлый вечеръ,—на что они способны?»

«Ne faites pas la méchante» (не будьте злы),—сказалъ, улыбаясь, Великій Князь по поводу замѣчанія, вырвавшагося нечаянно изъ устъ сестры во время того же завтрака.

Увѣжая, Его Высочество подавъ сестрѣ руку, прибавивъ: «Поклонитесь отъ меня всему институту!»

То были послѣднія слова Его Высочества, слышанныя сестрою. Привѣтомъ началъ, привѣтомъ и кончилъ,—и въ продолженіе всѣхъ пяти дней былъ одинаково милостивъ!

Чѣмъ же сестра могла привлечь такое милостивое вниманіе, какъ не своей нравственной высотой; а это дѣлаетъ

³⁾ Эти слова Его Им.п. Высочествомъ были повторяемы въ С.-Петербургѣ, потому и вошли въ рескриптъ, Высочайше дарованный Аннѣ Петровнѣ 14 сент. 1877 г. (см. ч. 1-я стр. 426 въ примѣч.).

⁴⁾ Оффенбахъ, Жакъ,—французск. композиторъ (р. 1819 г.). Впервые выступилъ съ легкой и игривой музыкой на темы басенъ Лафонтена, потомъ оперъ-буффъ—всякаго содержанія, до самыхъ тривіальныхъ. Матеріальный успѣхъ ихъ автора (напр. „Орфей“ далъ оф. 240,000 фран.) оказался страшно заразителенъ, но распространеніе ихъ служить школою *умиженія* искусства музыкальнаго и театральнаго (въ чемъ грѣшатъ до сихъ поръ и у насъ въ Россіи).

величайшую честь Алексѣю Александровичу тѣмъ болѣе, что сестра говорила прямо, высказывая свои убѣжденія, ни къ чему и ни къ кому не приноравливаясь.

Стало быть, чистота душевная имѣетъ тоже своего рода обаяніе! Слушалъ же Александръ I по нѣсколько лѣтъ сряду вдохновенную рѣчь честнаго гражданина Карамзина ⁵⁾, отстаивавшаго свое отечество отъ любимцевъ Государя, дѣлавшихъ столько вреда Россіи. «Я не безмолвствовалъ», — говоритъ незабвенный Карамзинъ, — «я говорилъ о налогахъ мирнаго времени, о нелѣпой системѣ финансовъ Гурьева ⁶⁾, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ Аракчеева ⁷⁾, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важныхъ сановниковъ, о министерствѣ просвѣщенія, о необходимости уменьшить войско, о настоятельной надобности установить твердые гражданскіе и государственные законы, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостныхъ народу».

Слушалъ же всѣ эти рѣчи Повелитель всей Европы, строго относившійся и къ своему собственному государству. Стало быть, есть же своего рода красота въ честномъ, умномъ словѣ людей, ничего для себя лично не добивающихся.

Такъ, мнѣ думается, уважають и сестру мою, хотя многіе терпѣть ее не могутъ; между тѣмъ, къ ней вполнѣ примѣнить можно слова Карамзина о Шишковѣ ⁸⁾: «незлобива, какъ голубь»!

⁵⁾ Николай Михайловича (1766—1826 г.). Русскій историкъ, журналистъ и литераторъ.

⁶⁾ Гурьевъ (Дмитрій Александр.), графъ, министръ финансовъ (1751—1821 г.).

⁷⁾ Графъ Аракчеевъ, Алексѣй Андреевичъ (1769—1839 г.). Русскій дѣятель, прославившійся своими «военными поселеніями». (См. „Гр. Аракчеевъ и воен. поселенія“. Спб. 1871 г., „Бунтъ“ военныхъ поселянъ въ 1831 г. „Воспоминанія очевидцевъ“ Спб. 1870 г., „Александръ I въ воен. поселеніяхъ“ „Рус. Стар.“ за 1875 г. т. XII стр. 84 и мн. др.).

⁸⁾ Шишковъ—министръ народн. просвѣщенія (съ 1824—1828 г.); горячій русскій патріотъ, поклонникъ чисто славяно-русскаго корня и

Какъ жаль, что высшіе міра окружены часто людьми, помышляющими только о собственныхъ выгодахъ! Но это — неизбежно; въ душу человѣка не проникнуть... Государь или президентъ республики всегда были и будутъ окружены людьми иногда хитрыми, честолюбивыми, сребролюбивыми — и тому подобными; изъ-за нихъ и Державины, и Карамзины выслушиваются, но остаются часто безъ всякаго вліянія; — ихъ уважаютъ, но... и только. *Ainsi va le monde...* Тѣмъ не менѣе одинъ законный правитель — *Богомъ избранный Государь* — гораздо желаннѣе правителей первой, второй и третьей республикъ, кровью гражданъ обогрившихъ родную землю и свое возвышеніе и, во мнѣніи всѣхъ, стоящихъ несравненно ниже избранниковъ Божіихъ.

Еще о встрѣчѣ Его И. В. В. Кня. Алексѣя Александровича въ Иркутскѣ.

19 августа. «У насъ въ Иркутскѣ за эти два года было много новаго, и если немного хорошаго, какъ это всегда бываетъ на этомъ свѣтѣ, за то много такого, на что не рассчитывали, о чемъ говорится у насъ вездѣ, и о чемъ умолчу я, ибо это дѣло не хорошее ¹⁾... Всѣ же толки утихли при радостной вѣсти съ востока о скоромъ посѣщеніи Иркутска Его Имп. Высочествомъ Вел. Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ.

Это важное, выдающееся событіе совершилось въ pendant вашимъ петербургскимъ приемамъ высокихъ посѣтителей — императоровъ.

стиля въ нашемъ языкѣ. В. П., почти не пользовавшаяся иностранными словами въ русской рѣчи, очень сочувствовала взглядамъ Шишкова на русскій слогъ.

¹⁾ Взято изъ письма Вар. П. къ Сок-скимъ.

У насъ былъ только одинъ царственный гость, но стоитъ вашихъ двухъ, будь то самъ царь нѣмецкій, или, какъ принято говорить новѣйшимъ языкомъ, самъ Германскій монархъ и повелитель. Да, для русскаго сердца, горячо любящаго свое отечество и своего Государя, отрадно было наконецъ-то увидеть одного изъ царскихъ сыновей на одной изъ далекихъ окраинъ земли русской, почти на границѣ Китая. И съ какимъ восторгомъ встрѣтили же его по всей Восточной Сибири! Многіе собирали землю, по которой проходилъ Великій Князь, и прикладывали ту землю къ больнымъ мѣстамъ, *надѣясь на исцѣленіе*. Да, велика преданность народа русскаго ко всему царскому семейству; умѣло пользуясь такою любовію, — можно всего достигнуть, все преодолѣть... Въ Кяхтѣ, по случаю радостнаго событія, купечество пожертвовало 80,000 р. и домъ для женской прогимназіи. Не знаю только, почему купечество отдало преимущество женщинамъ, тѣмъ болѣе, что въ Троицкосавскѣ есть уже женская гимназія; кажется, не мѣшало бы позаботиться прежде о мужскомъ образованіи, которое въ Сибири распространяется весьма слабо, а въ Кяхтѣ — и поразительно слабо. Впрочемъ, то дѣло самихъ жертвователей; спасибо, что въ память пребыванія Вел. Князя хоть о женщинахъ вспомнили; мужчины, вѣроятно, сами о себѣ похлопотать не забудутъ.

Его Высочество Алексѣй Александровичъ прибылъ въ Иркутскъ въ 8 ч. вечера 12 іюля и выѣхалъ отсюда 17-го въ 10 ч. утра. Всѣ пять дней городъ сіялъ по вечерамъ такими огнями, какихъ никогда еще не видали со дня его существованія. Народъ съ утра сновалъ по улицамъ; то тамъ, то тутъ слышалось заветное «ура!» Этотъ громкій, раскатистый возгласъ давалъ знать, гдѣ находится въ эту минуту нашъ свѣтъ — красное солнышко Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Каждое утро было посвящено обзору учебныхъ и общественныхъ учрежденій. Иркутскъ вычистился, выбѣлился, выровнялся, украсился фла-

гами, знаменами и попрыгавъ двѣ трети вывѣсокъ питейныхъ домовъ, чтобы своимъ безобразіемъ не портить общаго пріятнаго впечатлѣнія. Пусть Его Высочество думаетъ, что мы не поощряемъ народъ къ пьянству, а ведемъ его въ нравственномъ развитіи посредствомъ общественныхъ, приличныхъ гуляній, театровъ, бесѣдъ и тому подобныхъ просвѣтительныхъ развлеченій. Институтъ нашъ выше всѣхъ красовался своими знаменами; ихъ было что-то очень, очень много; на крышѣ, на оградѣ, у подъѣзда — вездѣ развѣшались эти видимыя проявленія радостнаго чувства, сокрытаго въ сердцахъ. Вѣроятно наши флаги первые привѣтствовали на слѣдующее утро пробужденіе Вел. Князя въ городѣ Иркутскѣ; вѣдь между институтомъ и домомъ генералъ-губернатора только одна улица и нѣтъ въ нашемъ сосѣдствѣ другихъ зданій; кругомъ зелень, среди которой высится нашъ мирный питомникъ, гдѣ растутъ и другіе, тоже живые цвѣты, одинъ изъ которыхъ, высушивъ, — я пришиваю здѣсь.

Страненъ былъ вѣздъ Великаго Князя въ городъ. Въ коляскѣ съ ген.-губернаторомъ онъ сидѣлъ по лѣвой сторонѣ въ шинели и простой фуражкѣ. Народъ вообразилъ, что то простой офицеръ, и даже никто шапки не снялъ. Такъ прибылъ онъ въ соборъ, такъ вѣхалъ почти до самаго дома г.-губернатора среди общей тишины, въ облакахъ иркутской пыли. Къ счастью, тутъ стоялъ отрядъ солдатъ: при появленіи Великаго Князя грянула музыка и могучее потрясающее «ура» огласило воздухъ. Въ числѣ многихъ, мы съ сестрой стояли на валу у самаго конца большой улицы, по которой неслась во весь опоръ коляска Великаго Князя; и неловко и досадно было встрѣчать такъ дорогаго Гостя.

1874 г.

Отъездъ изъ Иркутска въ Петербургъ. — Путь до Тюмени. — Томскъ. — Красноярскъ и Тобольскъ.

11 июня. Цѣлый этотъ годъ, наиболѣе обильный для насъ разнообразіемъ впечатлѣній, вслѣдствіе поѣздки въ Петербургъ, гдѣ думали остаться навсегда, сохранился въ моей памяти не переданнымъ бумагъ.

19 августа 1873 г., въ воскресенье, въ 6 час. утра мы выѣхали изъ Иркутска, проведя всю ночь безъ сна. Наканунѣ, послѣ всенощной, служили намъ напутственный молебенъ, при которомъ протоіерей о. Александръ Орловъ ¹⁾, законоучитель института, сказалъ теплое, душевное прощальное слово и освятилъ икону Покрова Пресвятой Богородицы, которую сестра выписала изъ Москвы, чтобы благословить ею покидаемый институтъ, гдѣ, съ соизволенія Божія, работала неустанно въ продолженіи пятнадцати лѣтъ ²⁾.

По окончаніи службы, сестра стала прощаться съ дѣтьми, благославляя каждую отдѣльно. Всѣ, находившіеся въ церкви, были въ слезахъ. Мнѣ тяжело было смотрѣть и я поспѣшила уйти. Изъ церкви всѣ зашли къ намъ, и, когда комнаты опустѣли, Анна Петровна снова поднялась къ дѣ-

¹⁾ См. 1873 г. 13 июня пр. 2.

²⁾ Т. е. съ 1858 г.

тѣмъ; обошла всѣ классы, всѣ спальни, снова перекрестила всѣхъ дѣтей, осѣнила крестнымъ знаменіемъ всѣ покои и вернулась около полуночи, истомленная физически и нравственно.

Всѣмъ объявляли, что выѣзжаемъ въ 8 ч. утра, между тѣмъ собирались выѣхать ночью, чтобы избѣжать тягостныхъ прощаній съ дѣтьми, съ которыми сестра въ послѣдній разъ, будучи не въ состояніи видѣть ихъ безъ слезъ, простилась письменно, передавъ письмо старшей класной дамѣ Мурниковой³⁾, прося на другой день прочесть его всѣмъ воспитанницамъ.

Въ пять часовъ, когда институтъ еще не просыпался, мы тихонько тронулись въ путь. До первой станціи не могли удобно уѣсться; но потомъ снова все переложили и проѣхали бы отлично до Томска, еслибы не починка экипажа, которымъ насъ обманули, продавъ намъ довольно дорого никуда негодный, пользуясь нашимъ совершеннымъ незнаніемъ въ этомъ дѣлѣ. Въ Иркутской губерніи дороги были отличныя, благодаря проѣзду Великаго Князя. Первые четыре дня солнце ярко свѣтило, и я съ наслажденіемъ любовалась на живописные виды, которыми такъ изобилуетъ Восточ. Сибирь. Въ Красноярскѣ мы принуждены были бросить свой тарантасъ и перемѣстились въ другой, предложенный полковникомъ Нарскимъ⁴⁾, чѣмъ избавились отъ дальнѣйшихъ дорожныхъ непріятностей.

Красноярскъ — красивый городъ; въ немъ мы пробыли только нѣсколько часовъ, отдохнувъ въ гостепріимномъ домѣ Нарскаго, гдѣ я впервые увидѣла его жену, милую, симпатичную женщину. Отсюда до самаго Томска мѣстность гористая; дороги, размытыя дождями, очень плохи; тѣмъ не менѣе я не скучала и, приѣхавъ 30 августа въ Томскъ, мнѣ жаль было раз-

³⁾ Марія Михайловна. Въ Иркутск. институтѣ служила съ 1855—1875 г.

⁴⁾ Нарскій — знакомый вдовы Полинцевой, вѣхавшей съ ними изъ Иркутска, гдѣ мужъ ея служилъ учителемъ.

статься съ тарантасомъ. Пассажирскій пароходъ Колчина ⁵⁾ только-что ушелъ утромъ въ 4 ч. Намъ приходилось ждать 6 дней до слѣдующаго. Между тѣмъ, товаро-пассажирскій пароходъ того же Колчина отправлялся 1 сентября; кромѣ того было еще удобство: намъ разрѣшили тотчасъ перебраться туда и занять весь первый классъ, потому что кромѣ насъ другихъ пассажировъ не было. Такъ мы и порѣшили и почувствовали себя, какъ дома. Наступило холодное, пасмурное, дождливое время; вѣтеръ гулялъ по широкой мутной Оби, вздымая волны, бѣлѣвшіяся на сѣрой поверхности водъ. Пароходъ трещалъ, и страшно было намъ съ непривычки; пустынные, скалистые, дикіе берега наводили тоску; селеній по Оби почти не встрѣчалось; рады радехоньки были, когда завидимъ какую-нибудь убогую деревушку. Только 9 сентября, недалеко отъ Тобольска, услышали въ первый разъ благовѣсть и увидали золотой крестъ, сіявшій на храмъ Божьей. То вдали былъ Тобольскъ. Въ него мы прибыли въ тотъ же день около полудня, бросили якорь, и пользуясь часовою стоянкой, я поѣхала осматривать городъ, т. е. хотя мелькомъ взглянуть на его древнія постройки. Общій видъ мнѣ особенно понравился своею стариной; жаль, что не могла обстоятельно все разсмотрѣть.

Иртышъ бушевалъ не хуже Оби,—онъ почти такъ же широкъ, какъ она. Но что за прелесть его берега! Лѣтомъ, думаю, трудно глазъ отвести отъ ихъ живописныхъ очертаній; даже пасмурной осенью мы любовались ими. Воображаю, какой дивный видъ они представляютъ въ лѣтній, ясный денекъ!...

Населить бы тѣ даромъ пропадающія пустынные пространства, и какъ бы они зацвѣли и кормили бы сотни

⁵⁾ Колчинъ—содержатель пароходовъ, совершавшихъ рейсы по р. Оби.

тысячъ людей ⁶⁾. Сколько у насъ свободной земли, а все жалуются на *бѣдность*, безземелье; далеко-жъ отъ столицъ уѣзжать не хотятъ и не понимаютъ всѣхъ удовольствій сельскаго хозяйства, дающаго столько нравственныхъ прелестей...

Еще удивляетъ меня, какъ никто не желаетъ изслѣдовать почву этихъ береговъ? Видъ ихъ очень загадоченъ и страненъ: они словно обтесаны и разрисованы довольно правильными черными очертаніями на каменистомъ желтоватомъ полотнѣ. На протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ видѣются все тѣ же стѣны, исписанныя природою *al fresco*.

Жаль мнѣ было, что на пароходѣ не у кого было спросить объясненія причинъ тѣхъ причудливыхъ изображеній; такъ и осталась я до сихъ поръ въ недоумѣніи относительно ихъ геологическаго строенія. Въ Петербургѣ истинно-ученыхъ въ обществѣ я почти не встрѣчала; здѣсь, въ Иркутскѣ, — тѣмъ менѣе; вѣроятно умру ранѣе, чѣмъ встрѣчу что-нибудь объ изслѣдованіи таинственныхъ береговъ Иртыша. Что же дѣлаютъ учившіеся изъ семи университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, назначеніе которыхъ — готовить молодыхъ людей къ ученымъ изслѣдованіямъ, къ примѣненію наукъ къ живому дѣлу, къ пользѣ человѣка?... Зато всѣ мечтаютъ быть чиновниками, ими наводняютъ землю русскую, а много-ли способныхъ къ вдумчивому труду? Медики? — Медицинскіе факультеты полны, а взгляните: русскихъ докторовъ нѣтъ, а въ провинціи — никакой медицинской помощи, — если лечатъ, то преимущественно поляки да нѣмцы. Такъ было встарь, такъ продолжается и въ наше время, и врядъ-ли скорѣ можно

⁶⁾ Объ этомъ заботилась еще Императрица Екатерина II-я. Въ 1773 г. 2 сент. былъ Высочайшій докладъ „объ умноженіи хлѣбопашества въ Иркутской губерніи“. Замѣчательное собственноручное Ея Величества заключеніе на докладѣ объ этомъ можно читать въ бумагахъ Императрицы Екатерины II-й, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ. Изданіе 1874 г. академика Я. Грота (т. III, стр. 358).

ожидать переменъ къ лучшему: самоотверженіе даже у молодыхъ не въ модѣ.

«Всегда такъ будетъ и бывало,
Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
Ученыхъ много — умныхъ мало,
Знакомыхъ тьма, — *а друга нѣтъ*»,

читала я когда-то у одного изъ русскихъ поэтовъ ⁷⁾; и все потому, что мало воспитываютъ сердце и не сохраняютъ вѣру во Вседержителя...

Въ Тюмень мы прибыли 11 сент. въ 8 ч. вечера. Освѣщенные пристани нѣсколькихъ пароходныхъ обществъ оживляли берегъ, что намъ очень приглянулось послѣ одиннадцатидневнаго странствія среди непривѣтливыхъ, безлюдныхъ береговъ Оби, Иртыша и Тавды ⁸⁾. На пароходъ явились къ сестрѣ: знакомый купецъ 1-й гильдіи Молодыхъ, городской голова, и городской исправникъ Игумновъ съ предложеніемъ услугъ. Молодыхъ пригласилъ тотчасъ переѣхать къ нему въ домъ, гдѣ все уже было готово для приѣма сестры. Игумновъ тоже старался угодить намъ. Мы были очень благодарны имъ обоимъ, тѣмъ болѣе, что городъ незнакомый и намъ нужно было найти и выбрать таранта въ дорогу до Перми.

За послѣднія пятнадцать лѣтъ, что мы провели въ Иркутскѣ, г. Тюмень очень разросся, вѣроятно благодаря пароходству; лѣтъ черезъ десять онъ несомнѣнно будетъ одинъ изъ замѣчательныхъ торговыхъ пунктовъ и возьметъ верхъ надъ остальными городами Тобольской губерніи. Богатое здѣсь купечество, оживленная торговля и судоходство, — все обѣщаетъ ему цвѣтушую будущность, особливо когда примкнетъ сюда желѣзная дорога и соединитъ Западную Сибирь съ остальнымъ русскимъ краемъ. Давно уже

⁷⁾ Эпиграмма А. С. Пушкина (эпитафія „покойникъ Клитъ“...).

⁸⁾ Тавда впадаетъ въ Обь.

хлопочуть о проведеніи *этого* пути, но проходить десятки лѣтъ, западная окраина государства во всѣхъ направленіяхъ пересѣкается рельсами, а Востокъ, начиная отъ Нижняго, остается въ первобытномъ состояніи, и средоточіе русской торговли—Нижній-Новгородъ совершенно разобщенъ съ восточной половиной Россіи, гдѣ путь почти до Тюкалинска ⁹⁾ нерѣдко становится непроѣзднымъ отъ безчисленнаго множества обозовъ, тянувшихся отъ самой Кяхты и Нерчинска вплоть до Нижняго.

Отъ Тюмени до Перми.—Казань, Волга, Саратовъ.—Свиданіе съ родными.

14 іюня. Мы собственнымъ опытомъ извѣдали всю тяжесть переѣзда отъ Тюмени до Перми. Были станціи, что мы тянулись по 4 версты въ часъ, безпрестанно подвергаясь опасности сломить себѣ шею отъ множества ямъ, ухабовъ, выбоинъ, косогоровъ, покрытыхъ аршинной густой грязью. Экипажъ у насъ былъ крѣпкій, легкій; проводникъ—расторопный, смысленный; тѣмъ не менѣе горя натерпѣлись вдосталь. Проведите желѣзную дорогу и вы тѣмъ устраните множество невзгодъ, выпадающихъ теперь на долю тысячъ людей...

А какъ хороша Пермская область! Когда погода позволяла, мы всходили на горы и спускались съ горъ пѣшкомъ, во время этихъ восхожденій и спусковъ любовались обрестными видами, полными художественной красоты...

Не знаемъ мы своего отечества и, по отсутствію въ насъ гражданской доблести, да по непредпріимчивости, и знать не хотимъ: тратимъ жизнь, деньги, здоровье и умственные силы на

⁹⁾ Тюкалинскъ—зап. городъ Тобольск. губ., Омск. округа, на р. Тюкалкѣ.

раззорительныя удовольствія заграницей... Приложить бы трудъ и умъ у себя дома, и какъ бы можно было поднять благосостояніе миллионовъ русскихъ людей! И какъ бы облагородилась и осмыслилась наша жизнь, *русская*, трудовая!—Намъ не дожидаться этого счастливаго времени; но я твердо вѣрю, что оно настанетъ ¹⁾).

Отъ Екатеринбургa до Перми дороги окаймлены высокими насыпями, усаженными плакучими березами, что придаетъ имъ много прелести. Съ березъ спускалась, словно золотистая мантия, листва до самой земли, чуть волновавшаяся отъ легкаго вѣтерка. Во время затишья деревья, точно очарованныя, стояли, не шевеля ни единымъ листкомъ. Лежа въ тарантасѣ, я глазъ не спускала съ плакучихъ березъ, удивительно живописныхъ въ своихъ богатыхъ, зеленыхъ одеждахъ.

Въ Перми прожили мы двое сутокъ въ довольно порядочной гостинницѣ, но очень дорогой, какъ и все тѣ остальныя, гдѣ намъ приходилось останавливаться. Городъ постройками весьма чистенькій, но улицы очень грязны, дорожки узки, неудобны; тротуары плохи, гостинный дворъ гораздо хуже Иркутскаго, жизнь, по видимому,—самая патріархальная. Во время проѣзда Великаго Князя, жена исправника замѣняла «отсутствующую губернаторшу», о чемъ намъ, какъ о событіи, рассказывали съ важнымъ и озабоченнымъ видомъ, что было крайне смѣшно.

Пароходъ «Купецъ» общества Кавказъ и Меркурій, на которомъ отправились мы изъ Перми, оказался очень удобнымъ и отличался своимъ прекраснымъ буфетомъ; первый классъ снова былъ пустъ и отданъ весь въ наше распоря-

¹⁾ Мы, читатель, счастливы видѣть осуществленіе этой мечты Варв. Петровны, начало которому положилъ незабвенный Императоръ Александръ III, а надъ продолженіемъ такъ усердно трудится Императоръ Николай II-й, состоя Предсѣдателемъ комитета по постройкѣ великаго Сибирскаго пути.

женіе, что, разумѣется, было намъ очень пріятно. Кама ²⁾ шалила, подобно своимъ азіатскимъ сестрамъ, и на пароходѣ все дрожало; книги не было ни одной, только два листка «Голоса» или «Бирж. Вѣдомостей», — не упомяну хорошенько, прочла и больше нечего было читать; — скука страшная.

Въ Казань мы прибыли около 10 ч. в. и во весь длинный переѣздъ отъ самаго Иркутска въ первый еще разъ мы были предоставлены самимъ себѣ; не зная, куда дѣваться въ такой поздній часъ со всѣми чемоданами, подушками и пр. и пр., мы попросили дозволенія поставить вещи по близости, тутъ же на пристань, въ такъ называемую контору. Для двухъ женщинъ, почти безпомощныхъ, такое положеніе оказалось чѣмъ-то ужаснымъ: конторою называлась грязная, холодная комната, выходящая въ холодный же корридоръ, изъ котораго былъ выходъ прямо на улицу. Ни замка въ дверяхъ, ни души кругомъ. Совершенно однѣ провели мы ночь, не смыкая глазъ, боясь лечь на какой-то грязный, не то диванъ, не то ларь: что-то безцвѣтное и безформенное. Утромъ, чуть свѣтъ, сестра пошла отыскивать пристань общества Волжскаго пароходства, нашла ее и мы тотчасъ велѣли перенести туда всѣ наши пожитки. Комната оказалась чистенькая, служащіе — вѣжливы; вскорѣ закипѣлъ на столѣ самоваръ, принесли густыхъ сливокъ, разнаго вкуснаго печенья, — и мы забыли неудобства ночного пребыванія въ грязной, неуютной конторѣ общ. «Кавказъ и Меркурій».

Часовъ въ 8 утра заняли мы семейную каюту, очень просторную, удобную, гдѣ могутъ помѣститься трое. Здѣсь мы обѣдали, пили чай, работали, читали и принимали сосѣдей изъ другихъ каютъ. Все было бы хорошо, будь немножко потише и побольше покоя. Пассажиры же цѣлую ночь и цѣлый день шумѣли въ залѣ; говорятъ, то былъ съѣздъ членовъ Волжскаго общества: они толковали о пароходныхъ

²⁾ Кама беретъ начало въ Вятск. губ., лѣвый притокъ Волги.

дѣлахъ, но намъ отъ этого не были легче. Тутъ же на пароходѣ слышали мы въ первый разъ пѣвучій, красивый русскій говоръ. Въ Иркутскѣ говорятъ скоро, съѣдая гласныя, такъ что для иностранца слышится *нестройное жуужжанье*. На Волгѣ же и въ Москвѣ народная рѣчь ясная, звучная, гармоничная, пѣвучая. Въ туманномъ иноземномъ Петербургѣ — далеко не такой пріятный говоръ: нѣтъ той чистоты, той музыкальности въ голосѣ. Мы съ сестрой съ особеннымъ удовольствіемъ прислушивались къ мѣстному разговору: проведя всю жизнь въ Петербургѣ, потомъ, въ Иркутскѣ, нельзя было не понять всей прелести родного русскаго языка...

Волга вела себя тоже очень дурно: всплески волнъ ударили въ окна каюты. Время осеннее — добра нечего ждать. Но мы, вѣроятно, попривыкли къ плаванію и потому не боялись; къ тому же капитанъ попался хорошій, внимательный, пароходъ не особенно валкій, такъ что мы не очень чувствовали волненіе на рѣкѣ. Сама-же Волга наводила на много думъ о нашей первой молодости, проведенной на ея берегахъ. Какъ живой, возникалъ въ памяти любимый отецъ, благословлявшій насъ передъ смертью..., видѣла я себя живою, впечатлительной молодой дѣвушкой, со скорбію и страхомъ смотрѣвшей на грустное лицо умирающаго отца, котораго мнѣ никогда не забыть... Представлялся мнѣ отецъ въ гробу, какъ ночью я стою у его гроба, вглядываюсь и цѣлую потухшія очи родного, говорю съ нимъ и жду его отвѣта ³⁾. Въ мертвомъ лицѣ не было ничего страшнаго, — напротивъ, казалось, онъ заснулъ глубокимъ, спокойнымъ сномъ, такъ что мысль о смерти родного исчезала сама собою...

Днемъ, среди суеты, я развлеклась; но вечеромъ, глядя на Волгу, въ которой играли серебристые лучи мѣсяца, снова приходили мнѣ въ голову молодые годы, и я съ боль-

³⁾ См. зап. ч. 1-я 1839 г. стр. 113—126.

шимъ нетерпѣніемъ ожидала свиданія съ родными въ Саратовѣ.

Ярко и тепло свѣтило солнце, когда пароходъ приставалъ къ родному городу ⁴⁾. У меня духу не хватало подняться на палубу и посмотреть, не ждутъ-ли насъ на берегу. Анна Петровна пошла туда одна и черезъ нѣсколько минутъ вернулась вся взволнованная. Меньшая сестра Ольга ⁵⁾, съ которой мы не встрѣчались послѣ выпуска ея изъ Смольнаго, гдѣ она росла общимъ баловнемъ дамъ, учителей и подругъ, — Ольга, увидѣвъ Анну Петровну, несмотря на окружающую толпу, выкрикнула имя «Нуты», которымъ ее звали въ дѣтствѣ: «Анюточка! Варинька гдѣ къ вамъ пройти?»

Сестра сошла внизъ, прося капитана парохода разрѣшить ей привести къ намъ сюда все свое семейство, чтобы первое свиданіе произошло здѣсь, а «не на людяхъ». Тогда..... но такія минуты не описываются...

Грустно посмотрѣла я на состарѣвшуюся горячо любимую сестру Елизавету Петровну ⁶⁾, отдавшую себя, согласно завѣщанію отца, на служеніе семьѣ, закрывшую глаза отцу, покойной мачихѣ, и взявшую на себя попеченіе о меньшихъ братьяхъ и сестрахъ, а теперь лелѣющую одну изъ дочерей брата Валеріана ⁷⁾, — малютку Илю, къ которой привязалась всей силою своей доброй души. Ольга все еще свѣжа и хороша, хотя 15 лѣтъ минуло послѣ ея выпуска. — Сестра Соня ⁸⁾, извѣстная своей красотой въ Смольномъ и въ Саратовѣ, до сихъ поръ иногда бываетъ замѣчательно хороша,

⁴⁾ Саратову, см. зап. ч. 1-я 1837 г. стр. 101—124.

⁵⁾ Ольга Петровна Б., сестра по мачихѣ. (См. зап. ч. 1-я стр. 152, 139 и 223).

⁶⁾ Сестра отъ одной матери — она же „Ильдочка“, или „сестрицынька“, самая старшая сестра († въ 1876 г.). См. зап. часть 1-я, стр. 51, 113, 124 и др.

⁷⁾ Валеріанъ П. отъ мачихи.

⁸⁾ Софья Пет. (отъ мачихи), вошп. Импер. об. бл. дѣв. вып. 1851 г., по мужу Городецкая.

несмотря на то, что у самой—молоденькая красивая дочь, въ эту зиму въ первый разъ выѣзжавшая на балы. У Лизы ⁹⁾, нашей племянницы, чистый славянскій обликъ: каштановые волосы, кроткіе голубые глаза, окаймленные пушистыми, длинными рѣсницами и ярко-розовый румянецъ. Привлекательное личико! Другая дочь Сони, институтка Оля, живая, черноглазая дѣвочка, похожая на своего старшаго брата Володю; оба напоминаютъ своего покойнаго отца, тоже замѣчательно красиваго мужчину. Здѣсь же мы встрѣтились съ братомъ Никол. Петровичемъ ¹⁰⁾, спустя 25 лѣтъ послѣ выпуска его изъ 1-го кадетскаго корпуса. Говорить нечего, какъ онъ долженъ былъ измѣниться за четверть столѣтія нашей разлуки и что случилось съ тѣмъ бѣленькимъ юношей, который, казалось, такъ недавно прощался съ нами, отправляясь на службу въ Саратовъ... Да, все измѣнилось, и я не узнала даже Саратова; онъ показался намъ совсѣмъ чужимъ городомъ, будто и не жила я въ немъ, а между тѣмъ вся первая молодость, по выходѣ изъ Смольнаго, прошла здѣсь.

Первый выѣздъ былъ на могилу къ *родному*, съ которой я увезла въ Сибирь нѣсколько цвѣтковъ и травку. Завидя тотъ завѣтный холмикъ, я быстро пошла къ нему и съ рыданіемъ бросилась на землю, подъ которой уже 30 лѣтъ покоится прахъ отца. Не знаю, какъ я молилась, но помню, что цѣловала землю, готова была провести цѣлый день на могилѣ, если бы оставили меня здѣсь одну. Сознаніе, что тутъ лежитъ мой любимый отецъ, заставило пережить снова все то, что было связано съ его смертью. Я забывала, что я сама уже состарилась и, вѣроятно, скоро покину землю... Я помнила только, что тутъ лежитъ отецъ любимый, съ которымъ свидѣлась спустя тридцать лѣтъ, и что мнѣ нужно

⁹⁾ Елизавет. Александровна Городецкая. Ольга Александр. восп. въ Саратов. инстит. вып. 1871 г.

¹⁰⁾ Николай Петровичъ Б., см. зап. ч. 1-я стр. 107.

съ нимъ о многомъ, многомъ переговорить. Я страдала, но все же рада была видѣть дорогую могилу!..

Но полно объ этомъ...

Петербургъ.—Представленіе сестры Государынѣ.—Вниманіе Императрицы къ сестрѣ.—Отъѣздъ обратно.

28 декабря. Въ Саратовѣ мы прожили 11 дней въ кругу родныхъ и 8 октября, вечеромъ, по желѣзной дорогѣ отправились въ Петербургъ. Въ Москвѣ остановились только на нѣсколько часовъ въ гостинницѣ и прибыли въ Петербургъ 11 октября въ 10 ч. утра.

На дебаркадерѣ ждалъ насъ братъ Валеріанъ съ женою, и мы, по усердной ихъ просьбѣ, поселились въ ихъ домѣ на всѣ три мѣсяца, проведенные въ Петербургѣ.

Петербургъ за 15 лѣтъ много обстроился, украсился и расширился; но онъ все тотъ же «Петербургъ», какимъ мы его знали раньше: та-же роскошь магазиновъ, тотъ-же сіяющій Невскій и обѣ Морскія; только я отвыкла отъ его широкихъ улицъ, отъ пятиэтажныхъ домовъ, отъ постоянного грохота экипажей, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвыкла отъ грязи, слякоти, грязносѣраго цвѣта неба и болотныхъ испареній, по милости которыхъ, ровно черезъ мѣсяцъ, я занемогла и проболѣла до самаго выѣзда «изъ царства холеры, тифовъ и всякихъ недуговъ».—Но не будь такого отвратительнаго климата и дороговизны, нигдѣ такъ хорошо не жилось бы, какъ въ Петербургѣ.—Мы были здѣсь такъ обласканы; встрѣтили такъ много старыхъ знакомыхъ, что и выѣзжать отсюда не хотѣлось... Притомъ же въ Петербургѣ симфоническіе концерты, дающіе множество наслажденій; кромѣ того—вечера въ консерваторіи, русская опера, хорошее пѣніе въ нѣкоторыхъ церквахъ, здѣсь жизнь кипитъ, и всякій можетъ жить, какъ хочетъ. Мы съ тѣмъ и пріѣхали, чтобы совсѣмъ

поселиться въ Петербургѣ. Но Господь судилъ иначе,—и благословенны судьбы Его!

Болѣзнь моя до того приковала вниманіе сестры, что она только спустя два мѣсяца по пріѣздѣ просила позволенія представиться Ея Величеству и поблагодарить за милостивый рескриптъ и брилліантовый браслетъ, полученный за послѣдній выпускъ ¹⁾. Благодаря Великому Князю Александру Александровичу, рескриптъ удивилъ всѣхъ своею особенной задушевностью. Такъ какъ сестра испрашивала четырехмѣсячный отпускъ для отдыха и поправленія здоровья, Государыня изъявила при рескриптѣ желаніе видѣть сестру по прибытіи въ Петербургъ, *чтобы лично изъяснить ей Свою признательность.*

10 декабря, перекрестивъ, благословила я мою милую Анну Петровну на путь въ Зимній дворецъ предъ царскія очи. Разумѣется, мы обѣ волновались; я даже не могла приколоть ей шифръ,—такъ дрожали руки...

Цѣлыхъ четыре часа ждала я съ безпокойствомъ возвращенія сестры; наконецъ, передъ обѣдомъ, она вернулась покойной улыбающейся, и я снова перекрестилась, съ облегченнымъ сердцемъ возблагодаривъ Господа.

Во дворцѣ сестра болѣе получаса прождала, пока позвала ее Государыня ²⁾.

Войдя въ залу, она увидала, что дама идетъ къ ней на встрѣчу; по своей близорукости она подумала, что это кто нибудь изъ придворныхъ; каково же было ея удивленіе, когда

¹⁾ См. зап. ч. 1-я стр. 425. Рескриптъ 20 авг. 1873 г.

²⁾ Здѣсь у Анны Петровны произошелъ случайный, но весьма интересный разговоръ съ ожидавшимъ приема Императрицы кн. Об. объ Иркутскомъ ген.-губернаторѣ. Оба собесѣдника были о немъ діаметрально противоположныхъ взглядовъ,—одинъ основывалъ свои отзывы на основаніи личнаго съ нимъ знакомства, службы и наблюденій,—другой на основаніи «донесеній». А. П., не зная хорошо, съ кѣмъ говорить, высказала очень много правды за несправедливости къ подчиненному,—его начальнику.

наконецъ она узнала Государыню Марию Александровну, подававшую ей руку. Въ первыя минуты такая неожиданность смутила сестру; но потомъ, при дальнѣйшемъ милостивомъ обращеніи Государыни, всякое смущеніе исчезло, и сестра спокойно разговаривала, опустившись возлѣ дивана въ кресло, по приглашенію Ея Величества! Государыня очень внимательно спрашивала объ институтѣ, одобряла все выслушанное и, проговоривъ или, лучше сказать, прослушавъ сестру около $\frac{3}{4}$ часа, вышла въ другую комнату, а оттуда вернулась уже вмѣстѣ съ Государемъ ³⁾, такъ что сестра имѣла счастье видѣть и Его Величество, подававшего ей руку и почтившаго ее милостивыми разспросами.

Отпуская Анну Петровну, Государыня сказала: «мы еще увидимся», что вѣроятно значило: «просите другой разъ позволенія представиться мнѣ». — Но этому не суждено было сбыться. Сестра, принятая такъ привѣтливо Царицею, не нашла удобнымъ замолвить слово объ отставкѣ; но изъ Зимняго дворца поѣхала прямо къ секретарю Ея Величества Шторху ⁴⁾, котораго просила повергнуть къ стопамъ Государыни просьбу объ отставкѣ. Шторхъ, убѣждая ее остаться на службѣ, увѣрялъ, что Государыня не согласится уважить ее, тѣмъ не менѣе, обѣщавъ представить Ея Величеству желаніе сестры.

— Дня черезъ два, посѣтивъ сестру, онъ вошелъ со словами: *J'ai de très bonnes nouvelles à vous communiquer, Anna Petrovna; vous avez produit une excellente impression sur Sa Majesté; et puis, selon votre désir, l'inspecteur a obtenu la gratification demandée.*

«Et mon congé? en avez-vous parlé à Sa Majesté?»

«Oui, Анна Петровна, j'en ai parlé; mais à peine ai-je

³⁾ Александромъ П-мъ Николаевичемъ (см. зап. ч. 1-я, стр. 392).

⁴⁾ Шторхъ, Николай Андреевичъ, дѣйств. т. сов., статсъ-секретарь, почетный опекунъ.

énoncé votre désir, que l'Impératrice s'est écriée: «que Dieu préserve! qu'elle se repose autant qu'elle veut, un an même, si l'état de sa santé l'exige; mais qu'elle continue de servir».

[Переводъ]. „Я имѣю хорошія извѣстія сообщить вамъ, Анна Петр.; вы произвели прекрасное впечатлѣніе на Ея Величество и, потомъ, по вашему желанію, инспекторъ получилъ испрошенную вами награду“.

— „А объ отставкѣ моей говорили Ея Величеству?“

„Да, Анна Петровна, я объ этомъ говорилъ, но едва только выразилъ ваше желаніе, Императрица воскликнула: „избави Богъ, пусть она отдыхаетъ цѣлый годъ, если того требуетъ ея здоровье, но пусть продолжаетъ службу“.

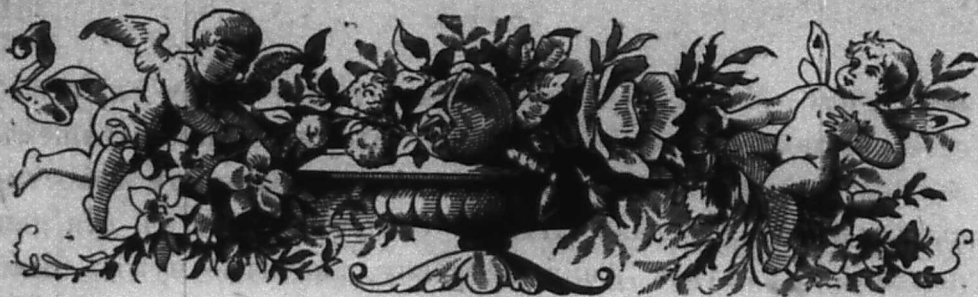
Что было дѣлать? Оставаться на службѣ въ Петербургѣ,— поступать въ другой институтъ?.. Надо бы было привыкать къ новымъ лицамъ,— не хотѣлось сестрѣ.— Если обязательно уже нужно продолжать службу, то лучше въ своемъ институтѣ, почти созданномъ ею, куда она поступила спустя только 12 лѣтъ послѣ его основанія и гдѣ прослужила 15 лѣтъ. Но, какъ ѣхать?— Дорога отъ Иркутска до Петербурга обошлась намъ около 1,000 рублей, да пребываніе въ Петербургѣ болѣе 2,000; ѣхать назадъ—не съ чѣмъ; притомъ же дороги страшныя; я совсѣмъ больная; всѣ знакомые возстали противъ нашего отъѣзда.

При первомъ новомъ свиданіи со Шторхомъ, Анна Петровна объявила ему, что не имѣетъ средствъ ѣхать въ обратный и дальній путь, а что если ѣхать необходимо, то медлить нельзя, — надобно выѣзжать въ началѣ января, потому что дороги и теперь уже изрыты ухабами и очень опасны. Тотчасъ всѣ затрудненія были улажены: по повелѣнію Государя выдано 1,500 р. на проѣздъ; баронъ Веліо, директоръ почтъ, далъ предписаніе всѣмъ почтовымъ чиновникамъ по пути нашего слѣдованія способствовать «покойному и удобному» проѣзду сестры, — такъ что намъ пришлось сряду готовиться къ отъѣзду.

Въ это время шли приготовленія къ свадьбѣ Великой

Княжны Марии Александровны. Государыня, естественно, вся была предана мысли о предстоящемъ важномъ семейномъ событіи, а потому только въ милостивыхъ словахъ передала Шторху сожалѣніе, что въ эти дни не можетъ видѣть Анну Петровну, значить—нужно было обождать, но длинный, тяжелый путь пугалъ насъ. Не откладывая, 16 января 1874 г. выѣхали мы обратно въ Иркутскъ, не предвидя того, что тамъ насъ ожидало...

1875 г.

Успѣхи въ музыкѣ.

14 іюня. Благодарю Господа, даровавшаго мнѣ силы образовывать еще одну замѣчательную піанистку.

Сегодня давала я послѣдніе уроки музыки воспитанницамъ выпускного курса и закончила Таней Харинской ¹⁾ на концертъ Вебера, который она исполнила артистически; хотя бы самъ Рубинштейнъ ²⁾ прослушалъ ее и тотъ остался бы совершенно доволенъ: чистота, глубина звуковъ, быстрота, изящество, пѣвучесть — все соединяетъ въ себѣ эта юная артистка; читаетъ ноты тоже легко. Еще бы года два серьезнаго занятія — и моя Таня не уступила бы никакой Есиповой ³⁾; тѣмъ болѣе, что ей всего шестнадцать лѣтъ. Къ сожалѣнію, кажется, она не будетъ продолжать уроковъ музыки; сама же слишкомъ молода и не цѣнитъ, что такъ щедро одарена. Сегодня она попеременно исполнила прекрасно: Рапсодію — Листа, Польскій — Шопена, Польскій — Вебера, двѣ ноктюрны

¹⁾ Харинская, Татьяна В., восп. Иркутск. инст., вып. 1875 г., по мужу Савелова (см. 1873 г. 18 мая).

ч. ²⁾ Рубинштейнъ, Антонъ Григорьевичъ, знаменит. піанистъ (ум. 1894 г.).

³⁾ Есипова — даровитая русская піанистка, входившая въ то время въ славу.

турны Шопена *sol min.* и *mi maj.*, извѣстный вальсъ Шопена,—и это почти все безъ перерыва. Рапсодію играла наизусть; — духъ захватываетъ: — несется на всѣхъ парахъ. Грустно, если ея способности заглохнутъ подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ... Моя бѣдная, моя милая Таня! Голубушка! Послѣ урока она обняла меня, заплакала и такъ крѣпко сжала своими рученками, что у меня даже слезы брызнули.

Господь да благословить ее на новомъ пути.

Маня Рычкова ⁴⁾ тоже общается много, но она еще совсемъ ребенокъ и занималась всего 4 года, изъ которыхъ одинъ почти потеряла по болѣзни. Мы съ ней будемъ еще заниматься.

Маня Шешукова ⁵⁾, когда захочетъ, играетъ очень хорошо; сегодня, напримѣръ, исполнила безупречно двѣ блестящія фантазіи на мотивы изъ Навуходоносора и Лючіи. Исполненіе весьма разнообразное и осмысленное: нѣжность, и силу, и блескъ умѣетъ придать своей игрѣ. Прекрасно сыграла она извѣстную фантазію Осберна на *Misegère* Троватора. Жаль, что... ну да дѣло прошлое!.. Жизнь дастъ толчекъ, и все можетъ измѣниться...

Не думала я дожидаться этого выпуска; казалось, все было рѣшено, что покинемъ навсегда институтъ, а вотъ и опять мы трудимся въ немъ!..

Помоги намъ, Господи!..

⁴⁾ Марія Рычкова, вып. 1875 г. (по мужу Рунская).

⁵⁾ Марія Павлов. Шешукова, вып. 1875 г.; оконч. курсъ въ С.-Петербур. консерваторіи (по мужу Поторочина). Учительница музыки.

День именинъ сестры Елизаветы.

5 сентября. Иркутскъ.

Сегодня твои именины, мой ангелъ сестрицынька,—Господь да освѣтитъ тебя благодатнымъ миромъ, насколько то возможно въ нашей земной жизни.

Вчера мы слушали всенощную въ домовоѣ церкви и потомъ зашли къ преосвященному ¹⁾, возвратившемуся только изъ Забайкалья. Сегодня же невозможно было поѣхать къ обѣднѣ: Анна Петровна въ девятомъ часу поднялась въ классы, давала маленькимъ урокъ франц. языка, потомъ перешла въ старшій классъ; а я съ половины девятаго до трехъ часовъ, не переводя духу, давала уроки музыки. Въ три часа я выбѣжала въ садъ, чтобы освѣжить нервы и уши послѣ шестичасового выслушиванія упражненій, гаммъ и подчасъ фальшивыхъ звуковъ; въ четыре часа обѣдали, еще погуляли въ саду и вотъ, немного поуспокоившись, присѣли, каждая къ своему письменному столу, чтобы поздравить тебя. Хотя письмо пропутешествуетъ цѣлый мѣсяцъ, все же увидимся съ тобою, поговоримъ и какъ будто дѣйствительно побесѣдуемъ.

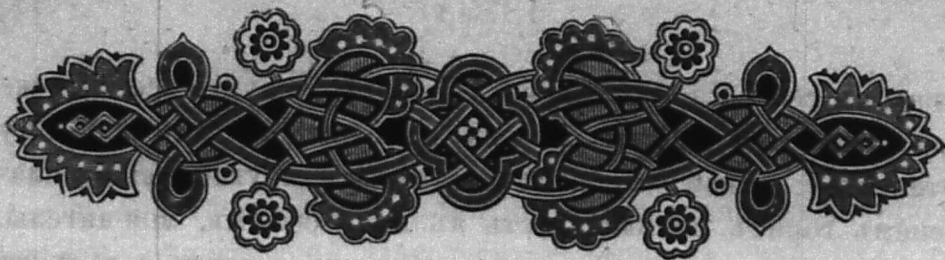
Да, милочка, не ѣздили мы въ церковь, но много разъ поминали тебя и призывали благословеніе Божіе на тебя. Сегодня у меня въ головѣ твои первыя именины послѣ нашего выпуска. Какой оживленный былъ вечеръ?—Всѣ мы были такъ молоды, и всѣмъ гостямъ такъ было весело, что послѣ долго вспоминала молодежь вечеръ Быковыхъ. А сколько нѣтъ теперь живыхъ, тогда веселыхъ, молодыхъ!.. И какъ давно, давно схоронили самого дорогого изъ всѣхъ нихъ, кто былъ веселъ въ тотъ день ²⁾... А что сдѣлалось съ оставшимися на землѣ? Куда дѣвалась свѣжесть лица, блескъ очей, улыбка устъ?—Все погибло; — смотришь въ зеркало и не

¹⁾ Вѣроятно Веніамину (см. 1866 г. 21 мар. пр. 2).

²⁾ Т. е. ихъ отца (см. зап. ч. 1-я стр. 118—121).

узнаешь себя! Но, благодареніе Господу! въ душѣ все такъ же ярко свѣтится святая любовь къ ближнему, къ дорогому Отечеству; и тѣмъ же чистымъ, тихимъ, неугасаемымъ пламенемъ горитъ привязанность къ вамъ обѣимъ, мои ангелы, мои чудныя сестры! Все та же молитва несется о васъ къ Царю Небесному, утѣшителю, Духу истины... Надѣюсь унести съ собою тѣ чувства завѣтныя, которыя рука объ руку прошли со мною черезъ всю жизнь; пусть останется земное земному, а небесное послѣдуетъ за нами въ несо- мнѣнно лучшій, вѣчный и непостижимый міръ... Господь да благословитъ васъ!

1876 г.

Чувства послѣ св. причастія и размышленія о сестрахъ.

3 апрѣля Иркутскъ ¹⁾).

Виноваты, ангелъ сестрицынька, что пропустили болѣе трехъ недѣль; сама не знаю, какъ то случилось, и потому пишу сегодня наскоро, въ день причастія Святыхъ Тайнъ, только бы успокоить тебя насчетъ нашего здоровья.

Да, сегодня Господь снова сподобилъ меня приобщиться Тѣлу и Крови Своей честной. Сегодня снова приступила къ вечери Его тайныя, и снова ясность душевная посѣтила меня! Но надолго-ли?..

Молитва моя ко Господу да сподобить меня и въ день кончины соединиться духомъ съ Нимъ!

Какое благодатное состояніе души! — Всѣхъ любишь, всѣмъ прощаешь!.. О, если бы и умереть такъ!!

Голубушка, сестрицынька, Господь да благословить васъ всѣхъ! Нута тоже приобщалась сегодня: она говѣетъ два раза Великимъ постомъ. Чудныя вы у меня сестры; зная васъ, нельзя сомнѣваться въ человѣчествѣ. На землѣ не переводятся избранники Божіи, только они разсѣяны и рѣдко приходится встрѣчать ихъ. Но, сестрицынька, да не все-

¹⁾ Изъ писемъ.

лять слова мои гордости въ твое сердце; я не съ тѣмъ говорю, но въ собственное свое утѣшеніе, иначе я не сказала бы. Притомъ же, я не говорю: «совершенства», но избранники Божіи. Боюсь ввести тебя въ грѣхъ своею похвалою. Нуту я не хвалю въ глаза, только иногда, въ часы ея унынія, стараюсь поддержать сокрушенный духъ и укрѣпить словомъ ободренія, — много ей непріятностей... Нынче много переменъ по хозяйственной части во всѣхъ институтахъ. Въ слѣдующемъ письмѣ Нута будетъ говорить объ этомъ подробнѣе; сегодня же едва-ли успѣемъ. До пяти почти часовъ у насъ были посторонніе; теперь она уѣхала навѣстить одну изъ своихъ бывшихъ воспитанницъ, имѣніе которой готовятся описывать и которая умоляетъ Анну Петровну дать совѣтъ, какъ и что дѣлать. Потомъ всенощное бдѣніе съ чтеніемъ 12 евангелій; послѣ чего, вѣроятно, Нута очень утомится, тѣмъ болѣе, что во весь день нисколько не отдохнула. Стало быть, сестрицынька, не безпокойся. Завтра снова двѣ длинныхъ службы. Если будемъ живы и здоровы, и дѣти тоже, и ничего особеннаго не случится, станемъ писать къ Святой. Я тоже очень устала. Господь со всѣми вами!

Взглядъ на жизненные безпокойства. — О духовномъ завѣщаніи. — О непріятностяхъ за взгляды.

4 августа. Иркутскъ ¹⁾. Полно бояться, ангелъ сестрицынька, не получая долго нашихъ писемъ; пора, милочка, положиться на Господа во всемъ и даже въ жизни и смерти твоихъ сестеръ. Не горюй заранѣе, «довлѣтъ дневи злоба его»; зачѣмъ же страшиться тамъ, «идѣже не бѣ страхъ».

Видишь, въ то время, какъ ты тревожилась о насъ, особенно дурного ничего не случилось. Но безъ непріятностей

¹⁾ Изъ писемъ.

мелкихъ, безъ заботъ и волненій невозможно прожить; на это не рассчитывай, сестрицынька. Гдѣ бы мы ни жили, вездѣ будутъ огорченія, — такъ они бываютъ со всѣми. Что дѣлать? не убѣжишь, когда это удѣлъ всего живущаго на землѣ.

Ты напрасно думаешь, сестрицынька, что мы сердимся на родственниковъ. Господь съ ними! надѣюсь, — дѣлъ не придется имѣть никакихъ и видѣться тоже не желаю; видимо, — мы постороннія, и я даже забываю объ ихъ существованіи, отдаленномъ отъ насъ на 5,000 верстъ. Они — взрослые молодые люди, могутъ сами работать; у нихъ и наша доля осталась, которою 20 лѣтъ они пользовались. Чего же больше? Мы не спрашиваемъ той доли; — больше никакихъ отношеній между нами не существуетъ. Только, сестрицынька, мы не желаемъ служить имъ посмѣшищемъ и положительно не желаемъ, чтобы, въ случаѣ нашей смерти, перешло, что послѣ насъ останется, *незнающимъ насъ*... Нѣтъ, немного, приобрѣтенное двадцатисемилѣтней тяжелой службой обихъ насъ, не должно быть обращено на удовольствіе людей, намъ чуждыхъ чувствами, понятіями, вѣрованіями, — всѣмъ однимъ словомъ. И, вообще, мы не желаемъ отдавать нажитое честнымъ трудомъ ни на чье проматываніе... Переживешь насъ, — все твое. Помни это и сбереги это письмо. Ежели же ты умрешь ранѣе, о чемъ мы не думаемъ, то во всякомъ случаѣ распорядиться тебѣ слѣдуетъ.

Впрочемъ, сестрицынька, я не люблю говорить о томъ, кому оставимъ что послѣ смерти; не потому, чтобы ея боялась; живя въ Иркутскѣ, среди опасностей всякаго рода: землетрясеній, наводненій, среди тысячъ сосланныхъ каторжниковъ, исконныхъ нашихъ враговъ-поляковъ съ ихъ друзьями, съ нигилистами, революціонерами, *ни за одинъ день нельзя быть упрямнымъ*; притомъ же постоянные приливы крови къ головѣ могутъ разомъ покончить съ моею жизнію. Стало быть я не рассчитываю на долгіе годы и жду смиренно, когда Господу угодно будетъ отозвать насъ къ себѣ,

но духовной дѣлать не хочу по какому-то странному чувству; должно быть, чтобы наслѣдники не желали моей смерти, находя, что мѣшаю имъ жить... Дѣтей у насъ нѣтъ; отцовскаго наслѣдія тоже нѣтъ; обманывать некого; стало быть, какая же можетъ быть духовная? Да и что останется? Курсы нынче такъ падаютъ, что нельзя ни на что рассчитывать. Ну, будетъ объ этомъ.—Это недостойно разговора. Господь далъ, Господь и укажетъ, какъ употребить данное;—намъ заботиться нечего.

— Извини, сестрицынька, что не могу согласиться съ тобою, будто мы запоздали со своими повятіями. Стало быть, всѣ честные люди запоздали? Стало быть, міровыя истины запоздали? Развѣ это можетъ быть, суди сама?!—То повѣтріе, то мода, вродѣ нарядовъ изъ двухъ смѣшанныхъ и противоположныхъ другъ другу цвѣтовъ: бѣлаго и чернаго, которые господствуютъ уже четыре года наперекоръ разсудку и вкусу. И, двадцать лѣтъ назадъ, мы имѣли удовольствіе слышать: *«какъ вы странно говорите! вы смотрите совсѣмъ по другому на жизнь и на все!»*... Чтожъ это доказываетъ? Неужели въ пору молодости мы тоже запаздывали понятіями? И тогда люди были не лучше теперешнихъ, и тогда душа возмущалась всѣмъ, что происходило кругомъ... Припомни только, за что пострадалъ отецъ, и какъ семейные люди, правительственные лица гнали его и глумились, говоря: «Быковъ, какъ собака, лежитъ на сѣнѣ; самъ не ѣстъ и другимъ не даетъ».—Развѣ же то были наши мнѣнія? Припомни молодыхъ людей нашего времени и скажи, гдѣ тѣ сыны отечества, тѣ люди правды, тѣ христіане по духу, а не по слову и не на половину только?—Развѣ мы не были въ вѣчномъ разладѣ съ общественнымъ мнѣніемъ? Развѣ не скучали съ глупцами? Развѣ не гнушались порокомъ, гдѣ бы онъ ни гнѣзился и чѣмъ бы ни прикрывался? Развѣ не благоговѣли предъ истиною и добромъ? Въ чемъ же запоздали, сестрицынька?!—Что не признаемъ нигилизма, дѣйствую-

щаго тлетворно своею гибельною проповѣдью? Въ такомъ случаѣ отстало божественное ученіе Христово? Такъ, что-ли?

О, дай мнѣ, Господи, хоть издали слѣдовать по пути Твоему, еже есть *«истина и свѣтъ!»*...

Нѣтъ, сестрицынька, милая, ангель мой, — то временно болѣютъ люди. Но придетъ время и излечатся отъ тяжкаго недуга, и здоровый духъ Евангельскаго ученія снова оживотворить умы, и падеть туманъ *лжи* предъ свѣтомъ Божественной истины! Можетъ мы и не доживемъ и не увидимъ того свѣта на землѣ, но все равно скоро засіяетъ и онъ!

Сто лѣтъ назадъ, во Франціи, все, что называлось образованнымъ, все болтало противъ религіи и щеголяло безвѣріемъ. Нынѣшніе нигилисты со своими Бюхнерами, Фохтами, Лаіелями, Дарвинами и другими повторяютъ только все то, что говорилось сто лѣтъ назадъ и было опровержено. Нашла грозовая туча, повисла надъ Франціей, погубила миллионъ народа на гильотинахъ, въ разстрѣливаніяхъ, въ затопленіяхъ и всякаго рода убійствахъ. Людямъ стало гадко смотрѣть на себя и стали снова искать Бога, который ихъ оставилъ за беззаконія. Снова открылись храмы, снова понеслись молитвы къ престолу Всевышняго...

Нѣтъ, сестрицынька, не запоздали мы, а забѣжали впередъ, далеко впередъ; забѣжали еще въ молодости, и время, и люди безъ правды насъ понять не могутъ, но въ этомъ намъ и посланъ крестъ Христа ²⁾.

— А Лиза ³⁾—прелестъ! Воспитуйте ее въ страхъ Божіемъ и не допускайте къ ней наставницъ нигилистокъ; — не губите ребенка.

— 8-го начинаются классы; снова работы много: поправка сочиненій и переводовъ докучаютъ; при томъ же нужно и самой приготовляться, что говорить въ классѣ, какъ то по-

²⁾ Ев. Матѣ. 10 гл. 6 стихъ („и враги человѣку домашніе его“).

³⁾ Племянница—по карточкѣ, присланной въ Иркутскъ.

добаетъ каждому порядочному учителю. Вообще, много хлопотъ. Писемъ частыхъ не жди, сестрицынька, будь покойна, — всѣ мы въ рукахъ Божіихъ.

Третьяго дня ѣздила за Ангари къ Святителю Иннокентію, мощи котораго почиваютъ въ мужскомъ монастырѣ. Завтра, если Господь сподобитъ, поѣду въ домовую — на акадеистъ Пресвятой Богородицѣ, который всегда читаетъ самъ Преосвященный; а тамъ и заговѣюсь. Пятница у меня вся занята, равно какъ и всѣ утра.

Господь со всѣми вами! Молись, сестрицынька, да дастъ Онъ намъ силы работать во славу имени *Его* и на пользу брата человѣка, умственную и нравственную. 11 часовъ ночи.

Вѣроятно 5 сентября получишь письмо. Господь да благословитъ тебя въ этотъ день и во всѣ дни твоей жизни.

Объ отставкѣ, о покоѣ и о вѣчности.

19 августа. Иркутскъ ¹⁾. Съ 16 августа начались наши обыкновенныя классныя занятія со всѣми тревогами и волненіями; еще года три слишкомъ нужно послужить, — и тамъ куда-нибудь на покой, если еще жить будемъ... Гдѣ придется жить и какъ жить — мы ничего не думаемъ. Самъ Господь укажетъ, что нужно дѣлать, а предположенія и замыслы человѣческіе рѣдко исполняются, потому и ждемъ мы спокойно, гдѣ придется кончать вѣкъ... Мнѣ бы только хотѣлось садикъ подлѣ дома; теперь намъ сдѣлалось потребностью уголокъ зелени, гдѣ бы могли глаза отдохнуть и гдѣ бы погулять на чистомъ воздухѣ. Въ комнатахъ я зады-

¹⁾ Изъ письма къ сестрѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

хаюсь. Даже зимою каждый день гуляемъ по часу въ день въ дѣтскомъ саду, гдѣ расчищены двѣ дорожки; иначе такой стукъ въ головѣ подымется и такъ она горитъ, что не знаешь, куда дѣваться. Даже при гуляньи приходится часто смачивать голову холодной водой, что я сію минуту и сдѣлала, выливъ цѣлую кружку, и освѣжилась, — жару нѣтъ. На ночь всегда поливаю и, кромѣ того, подлѣ постели на столикѣ ставлю стаканъ воды — на всякій случай: начнетъ стучать въ виски и горѣть темя, я тотчасъ за воду и такъ усердно лью на голову, что подушка становится мокрою, — тогда засыпаю спокойно.

Вотъ почему необходимъ намъ садикъ и лѣтомъ и зимою. Но объ этомъ послѣ.

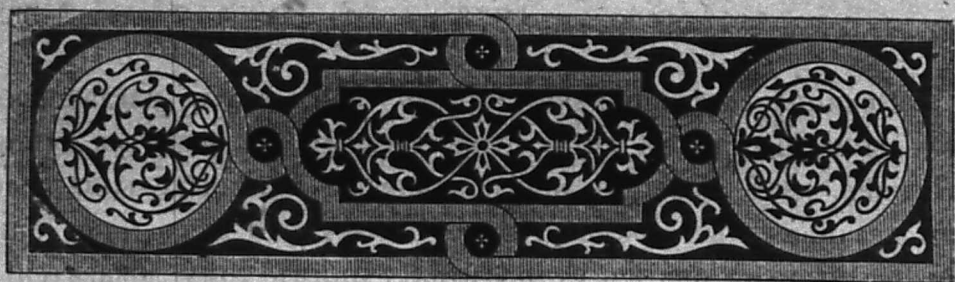
Отдохнула-ли ты, мой ангелъ, отъ дороги и какъ идутъ твои дѣла. У васъ въ Пензенской губ. опять пожары отъ поджоговъ. Храни васъ, Господи; такъ страшны все эти бѣдствія! И не унимаются эти люди — «благодѣтели рода человѣческаго», благополучіе котораго созидаютъ мечемъ и огнемъ!.. Семь лѣтъ назадъ я все еще ждала лучшаго: мнѣ казалось, что подраставшее поколѣніе внесетъ въ міръ много добрыхъ началъ, и станетъ теплѣе и свѣтлѣе на землѣ. Оказалось, что и эта надежда, подобно многимъ другимъ, рухнула: подрастающее на школьныхъ скамейкахъ молодое племя выросло, — и что же? Все то же, что было встарь, только рѣчь измѣнилась, а духъ, а дѣло — все прежнее, давно знакомое и въ областной и въ столичной жизни...

«И не жду отъ жизни ничего я —
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу лишь мира и покоя,
Я хочу забыться и заснуть» ²⁾.

²⁾ «Выхожу одинъ я на дорогу» — М. Ю. Лермонтова (видимо по памяти цитируется).

Видишь, сестрицынька, ангелъ мой, годы, изглаживая слѣды молодости на лицѣ человѣческомъ, не касаются души. Видишь, какъ живы въ ней поэтическіе напѣвы, слышанные въ незапамятныя времена,—это потому, что духъ нашъ безсмертенъ и не знаетъ старости. Лучшимъ тому доказательствомъ—наша любовь и неизмѣнная дружба. Такъ и умремъ, милочка, благословляя другъ друга. Господь со всеѣми вами! Устала я что-то, думаю лечь. 12 час. ночи.

1877 г.

Душевное состояніе.

16 февраля. Почти три года минуло послѣ неоконченнаго разсказа о пребываніи нашемъ въ Петербургъ, и сколько горя мы испытали съ тѣхъ поръ, сколько тревожныхъ дней приходится переживать въ настоящее время!.. Обстоятельства сложились такъ, что почти не къ кому обратиться ни за совѣтомъ, ни за поддержкой. Иркутскъ сдѣлался нравственной пустыней: ищешь, зовешь человѣка — и никто не откликается, — все глухо...

Жаль смотрѣть на мою бѣдную Нуточку... Измѣнилась страшно за это трехлѣтіе, особенно за послѣдніе четыре мѣсяца, когда столько непріятностей накопилось и не убережешься отъ нихъ... Ждемъ только выпуска, чтобы въ началѣ мая выѣхать изъ Иркутска, гдѣ нынче господствуютъ элементы: польскій, еврейскій, нигилистическій; не слышать только правды и честности... Гдѣ-нибудь далеко, далеко раздается же голосъ чести и совѣсти, но пока онъ не доходить до слуха нашего...

Помоги, Господи, кончить благополучно давно начатый трудъ, и, благословясь, скорѣе убраться отсюда. Тоска беретъ. Когда бы знать, что ждетъ насъ въ этомъ городѣ, ни за что не поѣхали бы назадъ ¹⁾...

—**—

¹⁾ Въ институтѣ были, вѣроятно, злоупотребленія довѣріемъ Анны Петровны.

Послѣднее время на службѣ. — Пріятныя письма.

18 апрѣля. *«Нынѣ отпущаеши рабу Твою, по глаголу Твоему, съ миромъ».*

— Сегодня дала послѣдній урокъ французскаго языка въ старшемъ классѣ и, прощаясь съ провожавшими меня дѣтьми, простилась въ то же время и съ своею педагогическою дѣятельностью! Силъ больше нѣтъ: глаза отказываются служить, все въ тягость, — едва дотянула до конца курса.

Горя было много за эти послѣдніе три года — горя нравственнаго, подкосившаго силы наши: *«путь былъ узкій и прискорбный»!*.. Приходилось бороться со всѣмъ и со всѣми; изнемогли силы при концѣ своего долгаго и тяжкаго пути. Новое вѣяніе, а, быть можетъ, и со своими взглядами устареѣли... Да и пора-бы отдохнуть душою...

Но гдѣ тотъ отдыхъ желанный?

Но гдѣ тотъ отдыхъ на землѣ — гдѣ столько страданій?.. — Вотъ уже два года, какъ Турція поглощаетъ наши молодыя силы, гибнущія отъ войны и отъ всякихъ болѣзней. Мыслящему человѣку, любящему свое отечество, не весело живется въ такое тяжелое время. Приходишь къ окончательному убѣжденію, что нѣтъ на землѣ покоя...

Да будетъ воля Твоя, Господи! Черезъ нѣсколько дней, 23 апр., завершится тридцать первая годовщина моей службы отечеству на двухъ противоположныхъ его пунктахъ: въ Петербургѣ и Иркутскѣ. Работала, сколько хватало умѣнья и силъ, съ полнымъ желаніемъ способствовать умственному и нравственному развитію проходившихъ чрезъ мои руки воспитанницъ.

Преподаваніе всякаго предмета можно уподобить *огню*: оно можетъ просвѣтить и очистить душу, равно какъ можетъ и истребить, сжечь все хорошее, вложенное въ нее Творцомъ ея. Въ предметъ моего преподаванія входила литература, т. е. все духовное наслѣдіе человѣка; стало быть, мнѣ принадлежало обширное поле для воздѣлыванія... Если въ еѣмена

пшеницы попадали и плевелы, то это не по нашей винѣ: врагъ сѣялъ ихъ украдкой.

— Бѣдная моя сестра! Сколько нравственныхъ огорченій вынесла она за 18 лѣтъ службы въ Иркутскѣ; особенно же тяжелы были для нея эти три послѣдніе года...

Неужели бывшія ея воспитанницы не помянутъ съ благодарностью эту чудную женщину?..

Нѣтъ, — не одна честная душа вспомнить мою бѣдную страдальцу Нуту; пройдутъ наши тяжелыя, смутныя времена — и свѣтлый образъ сестры моей предстанетъ передъ грядущими поколѣніями во всемъ своемъ нравственномъ блескѣ, — въ это я глубоко вѣрю.

Господи, благослови насъ окончить благополучно давно, давно принятый на себя трудъ воспитанія. Весь нашъ внѣшній видъ измѣнился: силы быстро падаютъ; довольно, Господи!

Благодарю, Боже, за дарованіе Твоей помощи намъ обѣимъ, — женщинамъ слабымъ; ни одна изъ насъ не могла похвалиться здоровьемъ и крѣпостію силъ, а между тѣмъ 31 годъ проработали почти безъ отдыха на педагогической нивѣ... Но сила Божія въ немощи совершается ²⁾, если то Ему угодно. *Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ благодѣяній Его!*..

Спустя нѣсколько часовъ. Пришиваю только что полученное письмо отъ одной изъ тѣхъ благородныхъ, возвышенныхъ душъ, о которыхъ говорила выше. То пишетъ Оля Лазарева, бывшая Филимонова ³⁾. Такое же теплое письмо получили изъ Петербурга отъ Юліи Масловой ⁴⁾ и

²⁾ 2-е посл. Коринѣ. 12 глав. 9 ст.

³⁾ Ольга Лазарева, изъ Казани (за артил. полковникомъ), вос—ца вып. 1859 г., — она же Урановская; — сообщаетъ о полученіи вещей Анны и Варвары Петровны и объ ожиданіи ихъ лѣтомъ въ ея семействѣ. (См. 1864 г. 6 іюля пр. 2 и 1866 г. 20 іюля.

⁴⁾ Юлія Констант. Маслова (рожд. Важенова, вып. 1867 г.).

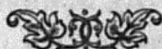
ми. другихъ. Стало быть, не забудутъ мою Анну Петровну. Все же есть между людьми натуры глубокия, признательныя! И за то слава Тебѣ, Господи! ⁵⁾).

Въ С.-Петербургѣ.

17 августа. Петербургъ, 20 м. второго. Среда.

Мучительное состояніе духа не даетъ мнѣ покоя, не знаешь, за что приняться, а глаза не хотятъ служить: ни читать не могу, ни работать... Я совершенно, кажется, ослабла?..

Дни осады Плевны.

30 августа. Какъ эти дни напоминаютъ дни скорби 1855 г.¹⁾.

Плевну осаждаютъ, нашихъ бѣдныхъ русскихъ бьютъ, рѣжутъ и мучатъ звѣри турки, да пріятели ихъ—англичане, поляки, мадьяры!—И прежнее злорадство друзей при неудачахъ нашихъ, и прежняя измѣна польская гнѣздится, и прежнія ругательства и клеветы сыплются на Россію, обнажившую мечъ все за тѣхъ же *братьевъ*—славянъ! И по прежнему одинокой, и непонятой, и оклеветанной стоитъ великая мученица, не отверзая устъ своихъ... И по прежнему болить сердце каждаго честнаго русскаго человѣка!..

Возведохъ очи мои въ горы, откуда пріидетъ помощь моя?

— Помощь моя отъ Господа, сотворившаго небо и землю! ²⁾).

⁵⁾ Естественнѣе „сосуду переполненному“ жить тѣмъ, что сѣяно въ жизни, подводить итоги пройденнаго, пережитаго, что и совершается въ Варв. Петровнѣ.

¹⁾ См. зап. ч. 1-я стр. 322—357.

²⁾ Псал. СХХ-й.

Четырехкратное представлѣніе Нуты Императрицамъ.

2 сентября. Пятница.

Пробило 12 часовъ. Нута теперь въ Царскомъ ¹⁾, куда поѣхала для представлѣнія Государынь въ два часа пополудни.

Это будетъ четвертое и, вѣроятно, послѣднее представлѣніе Царицамъ: въ 1858 году въ августѣ она два раза была у Государыни Александры Ѳеодоровны ²⁾, при своемъ вступленіи въ должность начальницы института; въ 1873 году, 10 декабря, сестру принимала милостиво Государыня Марія Александровна ³⁾. Теперь же, при прошеніи сестры объ увольненіи отъ службы, снова Ея Величество пожелала видѣть Нуту.

Господи, благослови моего ангела, хранителя земного! Сохрани вхожденіе и исхожденіе ея отнынѣ и до вѣка! ⁴⁾.

Пріемъ Нуты Государынею.

17 сентября. И въ четвертый разъ Царица милостиво принимала сестру!

14-го подписанъ задушевный рескриптъ, читая который, я не могу не плакать.

¹⁾ Т. е. въ Царскомъ Селѣ, гдѣ такъ любила жить дѣто покойная Императрица Марія Александровна.

²⁾ См. зап. 1858 г. 4 авг.

³⁾ См. зап. 1874 г. 28 дек.

⁴⁾ Псаломъ СХХ-й.

Благослови, Господи, Государыню и утѣшь ее въ скорбяхъ, какъ и Она утѣшаетъ насъ! ¹⁾).

¹⁾ Вотъ текстъ этого рескрипта:

„Анна Петровна! Съ полнымъ самоотверженіемъ вы посвятили многотрудному дѣлу воспитанія дѣтей лучшіе годы вашей жизни и изъ нихъ девятнадцать лѣтъ исключительно Иркутскому Дѣвичьему Институту. Благодаря вашей неутомимой дѣятельности и педагогической опытности, этотъ разсадникъ женскаго образованія на нашемъ дальнемъ востокѣ постоянно приносилъ, подъ вашимъ управленіемъ, самую существенную всему краю пользу. По отзыву Моего Сына, Великаго Князя Алексѣя Александровича, посѣтившаго въ 1873 г. Восточную Сибирь, *большая часть образованныхъ женщинъ, которыхъ ему приходилось тамъ встрѣчать, почти всѣ обязаны были своимъ воспитаніемъ Иркутскому институту и вашимъ материнскимъ о нихъ заботамъ и попеченіямъ.* Нынѣ разстроенное ваше здоровье заставляетъ васъ отказаться отъ дальнѣйшей педагогической дѣятельности.

„Съ крайнимъ сожалѣніемъ соглашаясь на ваше увольненіе, Я при этомъ случаѣ не могу за ваши многолѣтніе полезные труды не повторить вамъ еще разъ письменно ту искреннѣйшую благодарность, которую я вамъ неоднократно выражала устно, при чемъ прошу васъ, въ воспоминаніе вашего отличнаго служенія *въ юность Императрицы Маріи*, принять препровождаемый у сего подарокъ, какъ видимый знакъ Моего особеннаго къ вамъ благоволенія“.

(На подлинномъ собственноручно начертано): „Препываю неизмѣнно навсегда доброжелательною.

„МАРІЯ“.

Въ Царскомъ Селѣ. 14 сентября 1877 г.

1880 г.

Наступленіе старости.

22 августа. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, оставивъ Саратовъ послѣ тяжелой потери отца, ѣхали мы въ Петербургъ зимою съ братомъ Александромъ, возвращавшимся туда съ молодою женою. Въ одной изъ гостинницъ Пензы, куда пріѣхали ночью, угорѣла вся наша семья. Чтобы придти въ себя отъ страшнаго ночного угара, мы принуждены были остаться въ Пензѣ на цѣлый день. Зная, что въ этомъ городѣ проживаетъ А. С. ¹⁾, племянница жены здѣшняго губернатора—наша подруга по Смольному, дали ей знать о нашемъ прибытіи съ просьбою навѣстить насъ.

Саша тотчасъ пріѣхала веселая, счастливая. Воспоминанія полились рѣкою; но еще оживленнѣе пошелъ разговоръ, когда мы коснулись настоящаго. Мы съ сестрою разумѣется болѣе молчали: «рана» ²⁾ была еще слишкомъ свѣжа, а настоящее пасмурно... Саша же, напротивъ, говорила безъ конца, рассказывая съ жаромъ, о чемъ обыкновенно повѣствуютъ молодыя дѣвушки.

Въ тотъ же день предстоялъ вечеръ у ея дяди—губернатора. Вечеръ тотъ имѣлъ много заманчиваго для Саши...

¹⁾ Александра Никол. Сушкова (см. зап. ч. 1-я 1835 г. 22 іюля пр. 1 и 1836 г. 16 фев. пр. 6).

²⁾ Т. е. смерть ихъ отца; см. зап. ч. 1-я стр. 113—121.

къ тому же она обладала хорошимъ голосомъ, была хорошая піанистка и, вѣроятно, заранѣе предвкушала предстоящее удовольствіе.

Мы всё трое были тогда еще очень молоды. Моя Нуточка плѣняла тогда стариковъ и молодыхъ, иногда даже обаяніе неуловимой прелести переходило на женщинъ; нравственная красота придавала столько-же очарованія ея выразительному бѣленькому личику, окаймленному шелковистыми, вьющимися темными волосами...

Уѣхавъ изъ Пензы, мы потеряли другъ друга изъ виду; слышали, что, года два спустя, Саша вышла замужъ ³⁾. Мы же съ сестрой, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, поступили классными дамами въ Смольный; затѣмъ уѣхали въ Иркутскъ: сестра—начальницей института, я—учительницей музыки и французскаго языка; побывали опять въ Петербургѣ, снова возвратились въ Иркутскъ и въ 1877 г. окончательно вознамѣрились поселиться въ Петербургѣ, куда и прибыли въ томъ же году, предполагая только на время съѣздить къ роднымъ въ Саратовъ. Но вотъ уже три года, какъ живемъ въ Саратовѣ, и едва-ли придется скоро уѣхать...

— Вчера вечеромъ снова сидѣли мы трое за чайнымъ столомъ: бывшая Саша или А. С. и мы двѣ.—Сорокъ лѣтъ легло между нашимъ послѣднимъ свиданіемъ и настоящимъ днемъ. Что же случилось изъ тѣхъ молодыхъ дѣвушекъ?..

А. С. сильно раздалась въ ширину; ея высокій станъ... о, какъ погнулся!.. Покрытое морщинами лицо — пожелтѣло; говорить она тоже много, но не съ увлеченіемъ, и больше о своихъ дѣтяхъ, зятяхъ и внукахъ, да о прошедшихъ успѣхахъ собственной молодости. Въ звукахъ ея голоса часто слышится сильно минорный тонъ...

Моя бывшая Анюта, прозванная «сильфидой», разумѣется, тоже утратила свой гибкій, тонкій видъ; ея шелковистая

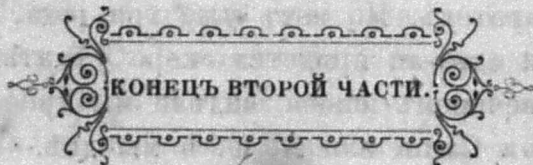
³⁾ За Карачарова.

черныя кудри блестять серебристыми нитями, а ножки, такъ граціозно скользившія по паркету въ былые годы, теперь скоро устають, тяжело передвигаясь. Да, съ каждымъ днемъ замѣтнѣе предъявляетъ намъ свои права неотразимая старость, и лишь нравственное обаяніе личности Нуты сохраняется до сихъ поръ: всѣ знакомые ея глубоко ее уважають. Умъ и доброта сердечная сіяють тихимъ свѣтомъ въ ея очахъ и придають милое выраженіе ея лицу, уже изборожденному неизбежными морщинами: «des anneés l'irreparable outrage»...

Изъ троихъ, мы обѣ незамужнія, потому, вѣроятно, сохранили болѣе живости ума и чувствъ прежнихъ лѣтъ, относясь сочувственно ко всему прекрасному въ Божіемъ мірѣ. — Но чувствуется, что силы уже съ каждымъ днемъ не тѣ!..

Лишь бы чужая радость, чужое горе и событія родной земли находили отголосокъ въ нашей душѣ.

За все же прочее *«благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его!..»*

«Сѣ что докрѣ, или что краснѣ,
но еже жити брати екѹпѣ.»
(Псал. рлѣ ѿ. 4.)

Въ 1877 году, по выходѣ въ отставку, Варвара Петровна съ сестрою (Нутю) отправляются въ Саратовъ погостить у родственниковъ, быть ближе къ могилкѣ своего «родного» ¹⁾, повидать мѣста, дорогія сердцу, гдѣ было пережито въ лучшіе молодые годы столько горя и радостей ²⁾.

¹⁾ См. зап. ст. см. ч. 1-я стр. 121 (12 дек. 1840 г. и 9 дек. 1868 г.).

²⁾ Ibidem. 1837, 1839, 1840 и др. годы.

Въ годы жизни во второй разъ въ Саратовѣ и въ послѣдніе годы своей жизни, Варвара Петровна молится и мечтаетъ больше о своей смерти.

«Какъ бы я была счастлива, если бы передъ смертію сподобилъ меня Господь еще разъ поговѣть у о. Іоанна!» ³⁾.

«Какъ я буду счастлива, если мнѣ Господь пошлетъ смерть раньше Нюточки!»

Свѣтскія удовольствія ее по прежнему тяготятъ, но любовь къ музыкѣ сказывается мечтою о жизни лѣтомъ въ Павловскѣ (у Царск. Села).

«О, если бы мнѣ удалось», пишетъ она изъ Саратова, «когда нибудь послушать игру даровитаго Рубинштейна». (А. Гр.).

И чудно суждено было осуществиться мечтамъ Варвары Петровны...

Частыя недомоганія сестеръ, нужда посовѣтоваться съ лучшими силами столичныхъ медиковъ, сердечное влеченіе дать возможность окончить образованіе своей любимой, но бѣдной воспитанницѣ М. В. Подгорбунской, а по силѣ и возможности помочь такъ-же и другимъ, прибывшимъ съ нею изъ дальней Сибири; желаніе видѣть многихъ изъ своихъ подругъ, своихъ бывшихъ воспитанницъ, — жить вблизи своего «милаго, родного Смольнаго» ⁴⁾ и многія другія, тому подобныя соображенія побудили сестеръ въ половинѣ 1881 г. пріѣхать на житье въ С.-Петербургъ.

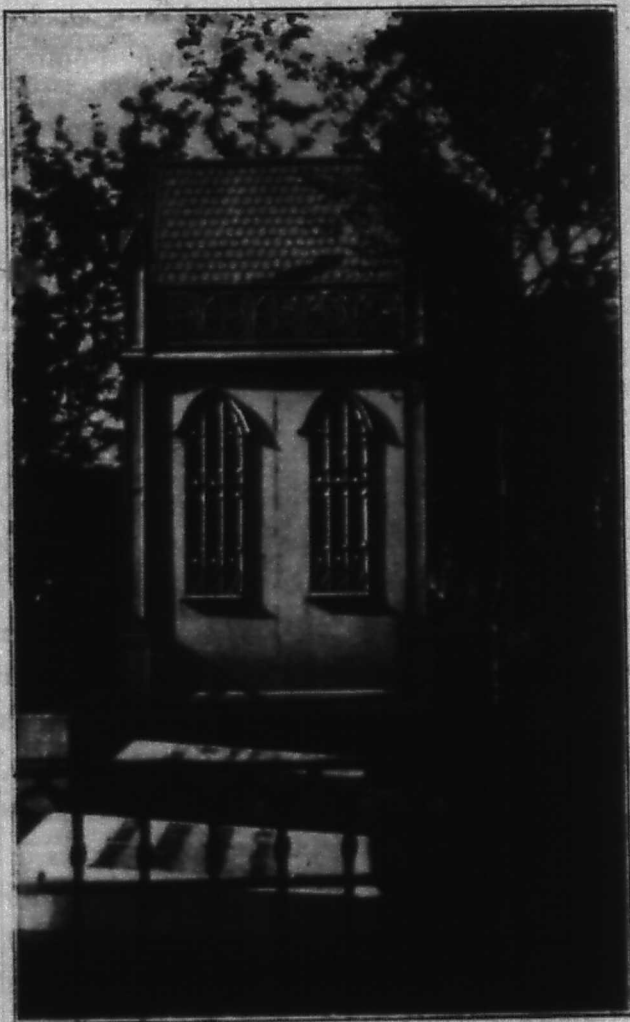
Въ Петербургѣ здоровье В. П. слабѣетъ и слабѣетъ. Временами ее оживляютъ лишь отношенія къ нимъ бывшихъ воспитанницъ, наперерывъ изъяслявшихъ желаніе доставить Варварѣ Петровнѣ и Аннѣ Петровнѣ какое-либо удовольствіе. Лѣтніе мѣсяцы В. П. живетъ въ Павловскѣ и часто бесѣдуетъ съ о. Іоанномъ.

Но годы и предѣлы, «его же не преjdeши», чаще и чаще даютъ себя чувствовать. — В. П. понемногу какъ бы замираетъ

³⁾ Т. е. Преображенскаго. См. II ч. 14 окт. 1865 г.

⁴⁾ См. ея зап. ч. I. О Смольномъ.

для *внѣшняго* міра, сосредоточиваясь на своемъ *внутреннемъ*; «желаетъ быть больше съ Богомъ и въ Богѣ». Чаше и уже совершенно хладнокровно говорить о наступленіи старости, твер-

Часовня на могилѣ Варвары Петровны.

дитъ о своемъ желаніи перейти въ вѣчность и, непременно, — раньше своей любимой Нуты ⁵⁾. «Ты, Нута, безъ меня можешь существовать, но я не могу себѣ представить, какъ

⁵⁾ См. 5 нояб. 1869 г.

можетъ жить безъ тебя Варенька», — повторяетъ она, какъ бы въ утѣшеніе сестрѣ, а затѣмъ обычно слѣдуетъ молитва В. П. о скорѣйшей ея смерти, приводившая иногда въ смущеніе Нуту и ея близкихъ.

За три дня до своей смерти, В. П. слегла въ постель и пожелала приобщиться Св. Таинъ; христіански напутствованная о. Іоанномъ Преображенскимъ, она тихо 22 октября 1886 года отошла ко Господу, окруженная любовью сестры и любящихъ ее.

Какъ видимое выраженіе признательности отъ Нуты Варенькѣ за жизненное сопутствіе, — поставлена часовня на ея могилѣ⁶⁾; но сродство воспитанныхъ душъ, запечатлѣнное *нестаряющею любовью*, благоговѣйная память о покойной, сердечная признательность, ежедневная глубокая молитва сестры, слезы умиленія Анны Петровны со всегдашнимъ желаніемъ скорѣе отойти къ Варенькѣ, какъ только заходить рѣчь о Варварѣ Петровнѣ, — все это, смѣемъ думать, несравнимо дороже видимыхъ памятниковъ.

Блаженни живущіи и умирающіи въ Господѣ!

Свящ. Конст. Знаменскій.

С.-Петербургъ.
Смольный Монастырь.
Вдовій Домъ.

⁶⁾ На кладбищѣ Воскресенскаго Новодѣв. монастыря въ Петербургѣ.